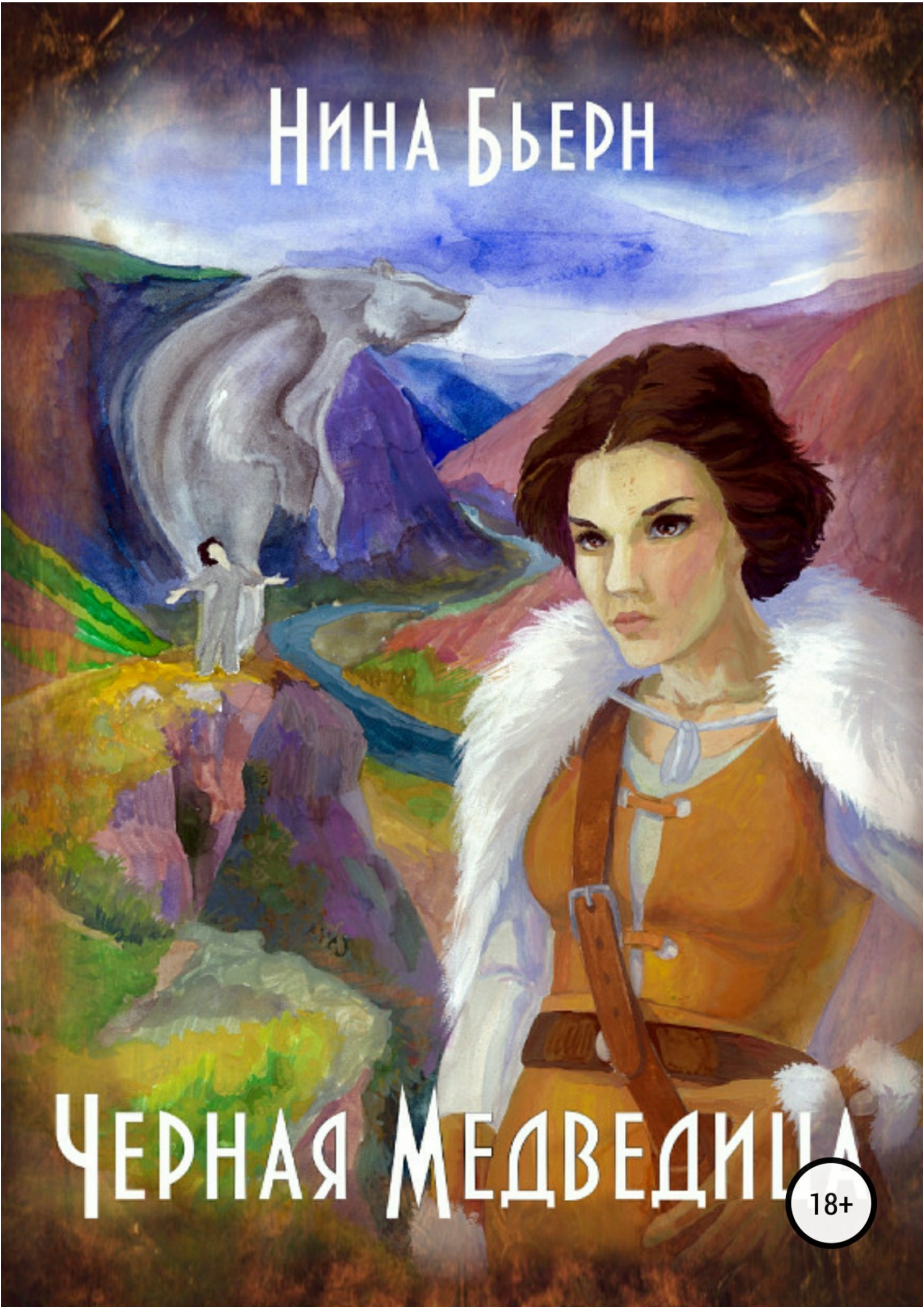

НИНА БЪЕРН

ЧЕРНАЯ МЕДВЕДИЦА

18+

Нина Бьёрн
Черная медведица

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бьёрн Н.

Черная медведица / Н. Бьёрн — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-2165-2

Почему он смотрит на нее, как на величайшую драгоценность, словно она самая лучшая из женщин? Как может доверять ей - чужеземке, рабыне, убивавшей на арене других таких же рабов на потеху хозяевам? Может ли сильнейший воин клана быть наивным слепцом? Или все потому, что он ее... любит? Невозможно. Он - ее враг. Тот, кого она послана убить. И награда за выполнение задания стоит того, чтоб перевернуть землю - свобода. В оформлении обложки использовался рисунок, выполненный рукой самого автора романа "Черная Медведица" Нины Бьёрн.

ISBN 978-5-5321-2165-2

© Бьёрн Н., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Знакомые руки тянулись к ней сквозь мглу. Они хватили за накидку, тянули за волосы, вязали ноги, затрудняя бег. Темнота казалась живой – она струилась и клубилась сгустками энергии, – черной, тягучей, плотной и невероятно цепкой. Она прилипла к коже, цеплялась невидимыми присосками, тянула страшные щупальца, превращающиеся в покрытые шрамами руки.

Найрани казалось, что она бежит очень медленно. Ноги налились чугуном тяжестью и еле двигались, словно увязшие в болоте. Каждый шаг давался с трудом. Горло словно парализовало.

Она пыталась звать на помощь, но с губ срывались только сдавленные хрипы. А щупальца-руки нагоняли, стремясь вырвать у нее из рук драгоценный сверток. Маленькая кудрявая каштановая головка прижималась к ее плечу. «Мама, мамочка!» – плотнее обвивали шею пухлые ручонки.

Найрани металась и изворачивалась, закрывая собой ребенка. Щупальца-руки ухватились за край покрывальца, обернутого вокруг маленького тельца. Ноша сразу стала в разы тяжелее. Почему не получается держать крепче? Крик ребенка резал тишину, резал темноту, резал сознание. Мгновение – и руки Найрани судорожно сомкнулись в пустоте.

–

Он теперь мой!!! Он мой!!! – шипела тьма знакомым с отрочества голосом, поглощая детский крик.

Найрани вздрогнула и проснулась. Казалось, сердце колотилось где-то в горле. Судорожное дыхание смешивалось с всхлипами.

Она вскочила и подхватила с прикроватной тумбы догорающую свечу. В лучах еле забрезжившего рассвета темным силуэтом выделялась напротив белой стены детская кроватка. Найрани склонилась над ней, рассматривая спящего сына. Маленький кулачок покоился на подушке под пухлой щечкой. Найрани погладила каштановую головку и поправила одеяльце.

Сердце все еще бешено стучало.

Снова этот сон. К чему он? Найрани узнала голос из сна. Но ведь его обладатель мертв уже больше трех лет. Нечего опасаться. Щит вокруг деревни усилен. Но почему тогда она по-прежнему не может спать спокойно? Чего боится? Или она настолько зациклена на прошлом, что не в состоянии радоваться настоящему?

Найрани вернулась в кровать. Спящий рядом муж тут же сквозь сон обхватил ее за талию и притянул к себе. Тяжесть теплой крупной руки успокаивала. Айгир что-то пробормотал в полудреме и зарылся носом в волосы жены. Ощущая позади себя мерное дыхание, Найрани чувствовала, как успокаивается пульс.

Тревога сидела где-то в глубине души, не давая расслабиться. Найрани медитировала, просила помощи у земли, но беспокойство словно сломанный задравшийся ноготь, торчало из глубины сознания, цепляясь за повседневные мысли и заботы.

Порой Найрани казалось, что она победила, и на несколько дней поганое чувство тревоги отступало. Найрани успокаивалась, пока очередной кошмар не стряхивал с ее души верхний наносной слой спокойствия и безмятежности.

Найрани не хотела беспокоить мужа. Ей было немного стыдно перед ним за свое настроение. Ну, в самом деле... Найрани отругала себя за мнительность. Утром она ходит к Уле и посоветуется.

При мысли о подруге потеплело на душе. Она первая приняла Найрани, когда та появилась в горной деревне напуганная и растерянная. Ула поддерживала и учила ее. Ула помогала ей в родах. А недавно Ула стала для Найрани еще и приемной матерью. И теперь уже Найрани

в ответ помогала отцу и Уле устраивать семейное гнездышко. Ула очень добрая и мудрая. Она наверняка подскажет, что делать. Найрани задремала, успокоившись в объятиях мужа.

Тариэль налил в свой золоченый кубок вина. Посмаковав на языке ароматную бордовую жидкость, глотнул и наполнил второй кубок. Сегодня начался обратный отсчет до печального для Тариэля события. Пять боев, включая сегодняшний. Всего пять поединков и его лучший боец завершит свой контракт и получит свободу. А вместе с контрактом закончится и поток прибыли.

Тариэль встал, подхватил оба кубка в руки и вышел из кабинета. Дорогу до заветной комнаты он мог бы вспомнить и на ощупь в полной темноте. Третья дверь по коридору. Молчаливый слуга на страже у двери. Тариэль потихоньку приоткрыл смотровое окошко и заглянул в комнату.

Факелы на стенах освещали скудную обстановку. Узкая кровать возле дальней стены, шерстяное покрывало и подушка, ярко выделявшаяся белым квадратом на темно-сером покрывале. В центре комнаты стоял прямоугольный железный стол. Женщина стояла спиной к двери возле стола.

Тариэль любил смотреть, как она готовится к бою. Крепкие пальцы энергичными движениями намазывали маслом голые ноги.

Тариэль смотрел, как завороченный. Развитые икры и ягодицы, жилистые бедра, узкая талия, рельефные мышцы спины, коротко стриженный затылок. Крепкая ладная фигура. Много раз Тариэль представлял ее облокотившейся на этот стол, а себя – сжимающего руками упругий женский зад.

Он никогда не осмелился бы нагнуть ее к столу. Он понимал, что она не дастся просто так. Убивать, конечно, она не станет, ведь при гибели хозяина рабский ошейник убьет и ее. А она хочет жить. Она любит жизнь. А вот яйца оторвет запросто. И наказание ее не испугает. Ведь она прекрасно знает, что она нужна ему. И он знает, что она нужна ему. И что она растворится без следа, как только закончится ее последний бой.

Он не готов был отпустить ее.

– Я слышу, как ты дышишь, Тар, – она закрыла баночку с маслом и ополоснула руки в тазу.

– Привет, я принес тебе вина, – Тариэль вошел в дверь, открытую слугой.

– Перед боем не буду...

– Знаю, знаю... – Тариэль поставил кубок на стол и пригладил ладонью свои красиво зачесанные назад волнистые волосы. – Готова к бою? Сегодня против тебя будет тот громила из Карвика.

– Готова... – женщина скривилась. Нахмурились четко очерченные брови. – Опять человек? Хоть в последние-то бои мог бы найти мне равного противника? Вервольфа или, на крайний случай, великана.

– Дорогуша, у меня человеческие бои...

– Но я-то не человек.

– Брось, ты же здесь звезда! Ты лучшая!

– Я не лучшая. Я дерусь с теми, кто заведомо проиграет. Ты мошенник, а все мои победы не настоящие.

– А ты понимаешь, что против оборотня ты не выступишь, если будешь принимать зелье? А без зелья все сразу поймут твою истинную природу.

– Значит, я сдохну в «Круге». Но хоть не буду чувствовать себя дерьмом, сражаясь с цыплятами.

– Ну, не горячись. Всего пять боев осталось. Кстати, у меня есть к тебе предложение, – Таризель уселся на кровать и закинул ногу на ногу. Полы его халата распахнулись, открывая идеально-белые шелковые штаны.

Он пялился, ничуть не стесняясь. Бойцы выходили в «Круг» обнаженными. И мужчины, и женщины. Смазанная маслом кожа женщины отливала бронзой в свете факелов. Большинство мужчин-зрителей находило ее слишком жилистой для представительницы слабого пола. Ее тело было лишено той женской мягкости и округлости, которая была так притягательна для большинства. Но Таризель заводился при виде абсолютно плоского живота с прорисованным рельефом мышц.

– Не хочешь остаться здесь после окончания твоего контракта? Будешь драться уже как вольная, а за каждый бой получать плату.

Женщина сверлила его взглядом.

– Опять откусывать головы твоим цыплятам?

– Мы найдем тебе кого-то посильнее.

– Сомневаюсь, что среди людей есть интересные противники. Хотя, я готова остаться, если стану совладелицей «Круга», – она ухмыльнулась и сцепила руки на голой груди.

Таризель поперхнулся вином, откашлялся и удивленно посмотрел на женщину. Она ухмылялась. Знала, что он не согласится поделиться куском своего пирога с кем-либо и сказала просто, чтоб поддеть.

– Хотя, знаешь, если выставить тебя как человека против оборотня, мы заработаем очень много денег.

– Найди мне оборотня хотя бы на последний бой. Обещаю, я убью его раньше, чем он догадается, кто я.

– Я подумаю, дорогуша, – Таризель встал. – Тебе пора в «Круг». И не забудь выпить зелье. Мы ведь не хотим, чтоб твоя медведица высунула свою клыкастую морду перед всеми зрителями.

Таризель допил вино из второго кубка и вышел из комнаты.

Трибуны были заполнены до отказа. Так было всегда на ее боях. Таризель развалился на алых подушках в центральной ложе. Он взял с серебряного подноса крупную виноградину и отправил себе в рот. С хозяйского места он замечательно видел все, что происходило в «Круге». По бокам от его ложи и в первых рядах находились места для элиты города. Дальше за ними располагались более простые граждане.

Входной билет в «Круг» был не дешевым. Здесь собирались самые зажиточные жители и гости города. Люди и не люди, спускавшие на тотализаторе немислимые суммы денег. Круглая арена, поделенная на две половины – белую и черную, была отгорожена от зрителей внушительной куполообразной клеткой. Под самой ее вершиной были привязаны два флага: черный и белый. Еще одна решетка отделяла зону первого класса от остальных зрителей.

Таризель окинул хозяйским взглядом пустую еще арену, рассеявшихся на парчовых подушках зажиточных гостей, снующих между столиками полураздетых служанок, столик управляющего, принимающего все новые ставки.

Сначала на арену вышли менее известные бойцы. На них ставки гораздо более скромные. Четыре боя для разогрева публики уже прошли. Главный бой вечера будет завершать программу. Ставки разделились вполне ожидаемо. Примерно две трети посетителей поставили на свою любимицу. Остальные понадеялись на пришлого бойца из Карвика, которого привез давнишний знакомый Таризеля работоровец Лурис.

Верил ли в победу женщины сам Таризель? Да, верил.

Сегодня выручка «Круга» будет снова высокой. Эта черная бестия позаботится о том, чтобы сделать хорошее шоу.

У Таризеля было много бойцов. Мужчин и женщин. Были неплохие и совсем новички, но подобного ей даже близко не было. Она умела создать зрелище, растянуть победу, посмаковать ее. Без показной бравады или пафоса. Эта способность драться хитро, коварно, подлавливая соперника на обманных маневрах, выводить его из себя, заставлять делать ошибки словно родилась вместе с ней. Таризель любил говорить, что она родилась для арены. Зрители ее любили. Зрители останутся довольны и в этот раз.

Таризель допивал уже третий бокал вина. Настроение было ниже среднего, несмотря на всеобщее оживление.

Он должен придумать, как удержать ее. Пара идей уже есть, и сегодня после боя он попытается претворить их в жизнь.

– Эй, Таризель! Как там твоя девка? Не померла еще от страха перед таким-то бойцом? – подвыпивший Лурис кивнул в сторону арены, на которую тем временем уже выпустили первого бойца. Огромный бритоголовый мужик расхаживал по своей половине арены, приветственно скидывая мощные руки.

– Вот эта неповоротливая глыба – твой лучший боец? – поддел соперника Таризель, брезгливо скривив губы. – Да она расколлет его, как яичко, и съест. Даже скорлупки не останется.

– Ха-ха! А давай поспорим: если выиграет мой боец, перед тем как убить, он трахнет твою девку прямо на арене. А все мы сделаем ставку, как быстро она кончит. Эй, народ! Кто хочет посмотреть, как она будет извиваться и кричать под этим жеребцом?

Зрители одобрительно заулюлюкали.

– Фу, Лурис. У тебя что, рабыни кончились, что ты на подглядывание перешел?

– Что, боишься?

– На что поспорим?

– Выиграет мой боец – я заберу твою девку живой и бочку лучшего вина из твоей кладовой.

– А если выиграет она?

– Тогда ты забирай моего бойца.

– А зачем он мне нужен будет дохлый-то?

– Тогда, что ты хочешь?

– Отдай мне Церата.

– Нет, он дороже твоей девки.

– Ты отдашь мне Церата и пять лучших гончих, или можешь забирать своего дохлого громилу и валить в свой Карвик.

– Хорошо, по рукам. Церат и пять псов за твою девку и бочку вина.

Они как раз ударили по рукам, когда объявили выход женщины.

Десятки раз она выходила на эту арену.

Десятки раз выигрывала.

Осталось немного. Всего несколько боев.

Сейчас главное – не расслабляться. Не делать ошибок. Свобода так близко. Столько лет она мечтала о ней. Еще небольшое усилие, и она исчезнет сразу, как только с нее снимут ошейник. Может быть, отправится путешествовать, посмотрит мир, посмотрит, как живут люди за пределами «Круга». А, может быть, уйдет в леса и будет там жить в тишине. Никаких людей, никаких боев. Или же она может отыскать оборотней и попытается узнать что-то о своем роде. Она решит после.

А пока она еще здесь. В этом пахнущем алкоголем, потом и кровью проклятом месте.

Она ненавидела запах арены. Он заставлял ее медведицу всегда беспокоиться. Ее сложно было держать под контролем в «Круге». Если бы не зелье, махинацию Тара уже давно бы кто-нибудь раскрыл. И тогда «Кругу» пришел бы конец. Тара лишили бы всего имущества и с позо-

ром выгнали бы из города. А его бойцов продали бы. Кого-то другим владельцам бойцовских арен, кого-то обычным рабовладельцам. Первым везло больше. Хотя счет их побед и обнулялся при переходе к новому хозяину, но возможность обрести свободу все же была. Вторым же приходилось работать пожизненно, надеясь на то, что хозяин смиростивится и отпустит.

Женщина взяла бутылек с зельем с подноса слуги и опустошила его залпом.

Мерзкое пойло. От него медвежья половина сущности страдала не меньше, чем от невозможности полноценно проявляться. Даже несмотря на действие зелья, звериная часть сущности рвалась на волю. Она предчувствовала скорую драку. Сердце колотилось возбужденно. Все тело словно намагнитилось от желания выпустить когти, зарычать, встряхнуться. Нужно обязательно позволить медведице набегаться в лесах и поохотиться по-настоящему вместо того, чтоб рвать уже остывшие освежеванные туши, которые изредка бросали ей по приказу Тара.

Здесь в «Круге» у нее даже имени нет. А ведь когда-то было. И она его еще помнила.

Ей нужно убить всего пятерых бойцов. Этого сегодняшнего и еще четверых несчастных.

Не сложно.

Не много.

А потом – прощай «Круг» и все, что с ним связано. Сейчас откроются ворота, и она выйдет на эту арену.

– Эй, там Хозяин на тебя поспорил, – служитель арены забрал у нее из рук бутылек и спрятал в карман. Женщина скривила губы. Тар частенько держал пари на ее победы.

– Я слышал, что этот боец из Карвика – левша. Будь осторожна.

– Буду... – она привычным движением зарыла пальцы ног в песок, которым был усыпан пол. Она всегда так делала перед выходом в «Круг». Маленький ритуал на удачу.

А сейчас на черную сторону «Круга» выйдет великолепная беспощадная, непобедимая любимица публики и самой судьбы! Встречайте! Легенда «Круга» – Черная Медведица!

Трибуны взорвались аплодисментами и приветственными криками. Служитель арены потянул на себя кованые створки ворот, и женщина шагнула на арену.

Все как всегда: горящие азартом глаза зрителей, горящие на решетках арены факелы, надрывающийся ведущий, старательно расписывающий достоинства обоих бойцов.

– Почтенная публика! Сегодня для вас будет особенное зрелище! Сможет ли боец из Карвика поставить эту женщину на колени? Если он победит, сможет взять ее прямо здесь. Если Черная Медведица окажется сильней, она будет решать его судьбу! Если она проиграет, то перейдет в собственность Луриса из Карвика!

Зрители загалдели еще громче. Со всех сторон слышались скабрзные выкрики.

– Где твои сиськи, крошка?

– Это же мальчик, только без пениса!

– Да, плевать, что тощая и жилистая, между ног-то у нее все по-женски!

– Лучше сразу вставай на четвереньки, девка!

– Эй, громила, езжай в свой Карвик, пока яйца целы!

– Маловат у тебя дружок для этой лапочки!

– Лурис, забери свою игрушку, пока девчонка его не сломала!

– Черная Медведица изучала своего сегодняшнего противника.

Ему явно понравился возможный бонус в случае его победы. Это ей на руку. Пусть напряжение в паху мешает ему думать. Широкая ладонь бойца потрогала начавший подниматься орган, сжала мошонку. На лице написаны похоть и агрессия. А нос ему уже ломали. И не один раз. Рассеченная когда-то бровь неровно срослась и почти не участвовала в мимике, ломая симметрию лица. Его голая кожа была также смазана маслом. Бочкообразная грудь, украшенная татуировками и шрамами, взбудоражено вздымалась. Его шея плавно перетекала в широкие плечи. Мощные ноги нетерпеливо мерили белую половину арены.

Медведица предположила, что скорость не является достоинством этого бойца в отличие от силы. Он тяжелый и рослый, пропусти она один удар этого огромного кулака, и ей не поздоровится. Да и сладкий пряник ему уже пообещали. Для него похоть сильнее страха смерти. Смерть бойцы видят каждый день, в отличие от голой женской груди.

От оружия боец отказался, заявив зрителям, что эту девку он возьмет голыми руками. Медведица исподлобья посмотрела на самонадеянного хвастуна и тоже не стала брать оружие.

Прозвучал гонг и схватка началась.

Лысый ринулся на Медведицу сразу. Легкая и верткая, она ловко уходила от его захватов. Человеку не сравниться с оборотнем ни в скорости, ни в силе. Несмотря на внешнее превосходство мужчины в силе и размере, сущность женщины давала ей абсолютное преимущество над ним.

Аккуратно! Нужно держать его близко, чтоб он был уверен, что следующий выпад ему удастся, но в руки не даваться. Публика это любит. Любит смотреть, как кого-то дразнят.

Мужчина начал терять терпение. Он выбросил вперед руку, стремясь поймать ее за горло. Она нырнула под руку, уходя вниз и в сторону, выставила ногу, и лысый рухнул всей массой, зарывшись лицом в песок. Толпа взорвалась хохотом. Гигант вскочил, отплевываясь и извергая проклятья. Едва продрав глаза, мужчина снова бросился на Медведицу.

И снова закружились по арене две фигуры. Одна рослая, тяжелая, белокожая; вторая жилистая, худая и смуглая.

Раззадоренный и уже разозленный мужчина удвоил натиск. Один раз она позволила ему поймать себя за руку. Затем она сорвала захват, снова выскользнув из его рук. Он бросил ей в лицо горсть песка, надеясь отвлечь. Не сработало. А следом она подловила его в момент выпада, схватила за запястья и упала на спину, увлекая его за собой. Быстро вылетела навстречу падающему тяжелому телу женская нога. Пятка метко ткнулась точно в пах лысому. Короткий вскрик, полет, и мужчина шлепнулся на спину, пробороздив песок. Лысый перевернулся на бок, схватившись руками за пах. Медведица наблюдала за ним, уперев руки себе в бока. Зрители уже выкрикивали требование прикончить его.

Отдышавшись, мужчина поднялся на ноги. В его взгляде похоть сменилась желанием убить.

Вот теперь будет поинтереснее.

Мужчина подошел к щиту с оружием и снял с него небольшой одноручный топор. К удивлению Медведицы, лысый очень ловко крутил топором для человека его размеров.

Уворачиваясь от ударов оружия, она, обойдя соперника по кругу, подхватила со щита короткую веревку не длиннее размаха ее рук. Веревка привычно легла ей в ладони, чуть провиснув между разведенными на ширину плеч руками. Концы веревки остались свободно болтаться.

Мужчина снова рванулся в атаку. Медведица ускользнула, выбросила руку вперед. Кончик веревки обернулся вокруг головы лысого и хлестнул его точно в глаз. Лысый в очередной раз занес топор над головой Медведицы. Она блокировала руку, скользя чуть в сторону, резко выбросила согнутое колено и ударила в солнечное сплетение. Тут же она захватила запястье, выкрутила руку и дернула двигавшееся по инерции вслед за оружием тело. Гигант упал на одно колено. И в этот момент точным жестким движением Медведица ударила предплечьем свободной руки по вывернутому вверх локтю бойца.

Рука лысого хрустнула. Топор выскользнул из его пальцев. Лысый взревел от боли.

Женщина не дала ему опомниться. Она накинула петлю веревки ему на шею и в мгновение ока примотала его сломанную согнутую руку к его же шее. Она пихнула его в спину и почти побежденный боец распростерся на песке, хрипя от боли.

Продолжая натягивать концы веревки, усиливая давление на сломанный сустав мужчины, Медведица обвела взглядом ряды зрителей. Работорговец из Карвика, вцепившись в подлокот-

ники своего кресла, напряженно ожидал развязки боя. Прости, но сейчас твой боец превратится в гору бесполезного мяса. Тариэль торжествующе улыбался, покручивая в руках бокал вина. Зрители бесились – стоял оглушительный гвалт десятков голосов, – они вскакивали с мест, размахивали кулаками, яростно выкрикивая призыв: «Убить! Убить!».

«Я сделаю это быстро», – сказала Медведица лысому, затягивая веревку на его шею. Тело конвульсивно дергалось некоторое время. Наконец он затих.

Медведица спокойно сняла веревку с обмякшего тела и выпрямилась.

«Круг» скандировал ее прозвище. На арену летели монеты и украшения. Служители арены отвязали с верхушки клетки белый флаг и он мягко упал на песок. На вершине «Круга» теперь красовался один флаг – черный. Флаг победителя.

Медведица подняла руку в знак признательности публике и вышла в открытые для нее ворота.

Тариэль смотрел, как по двору перед «Кругом» ведут Церата – лучшего коня из конюшни Луриса. Черный как смоль жеребец с белой звездой на морде послушно прошел за конюхом в сторону конюшни.

– Гончих я отправлю тебе, как только вернусь в Карвик, – сказал Лурис, провожая взглядом своего бывшего скакуна.

– Привози еще своих мальчиков. Поспорим снова.

– Хорошо. Привезу. Когда твоя девка контракт свой закончит, привезу бойцов. И что ты будешь делать-то без нее? – хохотнул Лурис.

– Что-нибудь придумаю... А ты лучше иди поспи. Тебе завтра рано утром идти на городской рынок клячу себе покупать Или, может, одолжить тебе лошадку, чтоб до дома доехать?

– А хочешь, я продам тебе пару девок? Они утешат тебя, когда твоя баба со стальными яйцами помашет тебе ручкой с той стороны ворот «Круга»?

– Не помашет. Она останется здесь. Ей незачем уходить.

– Увидим, – осклабился Лурис.

Медведица оторопело осматривала свою комнату, которая изменилась до неузнаваемости за время отсутствия хозяйки. Небольшая серая комнатка теперь походила на будуар куртизанки. На полу лежал пушистый ковер с узором из золотисто-алых цветов. Стены тоже были увешаны коврами. Окно теперь было задрапировано легкой прозрачной тканью и более плотной алой парчой с золотистой бахромой и кисточками по низу. Простой железный стол сменился на резное деревянное чудо с витыми ножками и полированной столешницей. На столике стояла золоченая посуда. Блюда ломились от яств. Сыры, вино, фрукты, куски мяса лежали на изящных тарелках. Узкая койка уступила место довольно широкой кровати с балдахином. На ней и вокруг нее были разложены разнообразные подушки и подушечки. Вся комната представляла собой теперь смесь красного и золотого.

– Тебе нравится? Это все для тебя! – промурлыкал Тариэль.

– Она обернулась. Хозяин «Круга» стоял в дверях, ощутимо покачиваясь от выпитого вина.

– Тар, ты зачем мне комнату испортил?

Ты снова победила сегодня.

– Да, я заметила.

– Ты только скажи, чего хочешь. Любые богатства... Не нравится золото, давай украсим тебе комнату синим фарийским шелком. Один компаньон прислал несколько рулонов в подарок. А можно шелк сочетать с серебряной тесьмой.

Она покачала головой.

– Тебе не нравится синий? Хорошо, выбери сама цвета и материал. Я пришлю к тебе мастеров с образцами.

– Тар!

– Нет, лучше я выделю тебе новую комнату. Побольше. Правильно, зачем тебе ютиться в этой клетке. Сегодня же тебе подберут несколько комнат. Выбери, какая понравится.

– Тар, я не останусь здесь...

– Не хочешь жить в «Круге»? Тогда давай купим тебе дом в городе. Будешь жить там, а на бои приезжать сюда.

– Нет, я уйду из города. Я не буду больше драться в «Круге».

Тариэль сопел, поджав губы. Надо было давно обставить ей комнату получше, покупать ей украшения, наряды. Все бабы любят тряпки и золото. И она не исключение. Нужно придумать что-нибудь еще. Любого можно уговорить. Нужно только найти довод, который подействует.

Продлить контракт без согласия бойца или обнулить его победы можно было, только если прежний владелец был приговорен судом к конфискации имущества или к смерти. Поскольку умирать или отдавать свое имущество городу Тариэль не собирался, оставалось одно – договариваться.

Тариэль вздохнул и подошел ближе. Медведица спокойно смотрела ему в лицо, скрестив руки на груди. Тариэль медленно коснулся ее ключицы, обвел контур плеча, скользнул по рельефной руке к локтю, наслаждаясь ощущением плотных мышц под пальцами. К ее блестящей от пота и масла коже прилипли частицы песка с арены. Тариэль скользнул взглядом по голой груди с темными сосками, впалому животу, черному курчавому треугольнику между ее ног. С каким удовольствием он бы стряхнул светлые песчинки с ее бедер. В паху ощутимо потяжелело. Выпитое вино подогрело кровь, добавляя возбуждения.

– Мы еще позднее поговорим. Отдохни. Ты устала после боя.

Тариэль хлопнул в ладони и двое слуг внесли в комнату ванну. Слуги поставили ванну в центре. Они подносили все новые ведра с водой, от которой поднимался пар.

Довольно быстро ванна наполнилась. Рядом с ванной поставили крохотный туалетный столик, на который служанка торжественно водрузила поднос с разными бутылками, баночками и кусками мыла. Другая служанка встала у изголовья ванны, держа в руках вышитый шелковый халат. Первая служанка взяла из нового шкафчика большое белоснежное полотенце и тоже встала возле ванны. Медведица следила за их маневрами с недоумением.

– Это теперь твои личные служанки. Они будут жить с тобой и служить тебе.

Медведица нахмурилась. Ей не хотелось делить свое пространство с кем-то еще. Служанки застыли с подбострастными лицами. Тариэль бросил на Медведицу последний масляный взгляд и направился к двери.

– Эй, Тар!

– Он обернулся.

– Забери этих, – она кивнула в сторону служанок.

– Почему? Ни у одного из моих бойцов больше нет личной прислуги.

– Вот и поэтому тоже... Забери.

Тариэль скорчил разочарованное лицо и сделал знак служанкам выйти. Они сложили халат и полотенце на стул и вышли. Хлопнула о дверной косяк тяжелая дверь. Лязгнул закрывшийся снаружи засов.

Медведица забралась в ванну. Какой смысл во всех этих тряпках и бахроме, если на двери по-прежнему засов? Зачем ей в этой конуре шелковый халат?

Она взяла один из бутылков с подноса. Открыла его, понюхала. В нос ударил терпкий аромат каких-то трав и масла. Медведица поморщилась и вернула бутылек на место. Откинув-

шись на спинку ванны, она прикрыла глаза. Вот бы почувствовать, как пахнут в лугах настоящие травы.

И солнце.

Она уже много лет не чувствовала лучи солнца. Все, что у нее было, – узкое длинное окошко с кованой решеткой, выходявшее на задний двор «Круга», огороженный высоким забором. На улицу бойцов не выпускают. «Круг» освещен всегда факелами. Бои проходят в основном по вечерам и ночью.

Когда она только начинала бойцовский путь, ее возили драться на другие арены. И тогда она могла сделать пару глотков настоящего свежего воздуха, пока ее не совали в закрытую повозку. Пока ее вели по двору, закованную в цепи, она всегда запрокидывала голову и смотрела в небо – темно-синее, усыпанное звездами, облачно-серое или ярко-голубое в зависимости от времени суток и погоды. И в эти мгновения зов ее медведицы становился мучительно требовательным. Звериная сущность беспокойно ворочалась где-то внутри самого существа девочки-подростка.

Ей было около четырнадцати лет, когда она впервые вышла на арену как боец. Еще восемь лет до этого она провела сначала в клетке для детей-рабов, а потом в подвале арены в каком-то далеком городе после того, как бывший хозяин заметил в ней бойцовские замашки.

Жизнь в подвале и свои первые тренировки она хорошо помнила.

Драться приходилось каждый день: за хлеб, за лучшее место в общей камере, за тюфяк поудобней. Она часто выходила победителем в этих жестких детских драках. Каждый день их – толпу одичавших детей – сгоняли в зал для тренировок. Тренировались они каждый день по несколько часов. Раз в неделю их выставляли голых во дворе строем – и мальчиков, и девочек, – окатывали из ведер водой и выдавали чистое рубище.

А потом бывший хозяин подарил ее и еще двух мальчишек Тариэлю как добавку к удачной сделке. И Тар после первого же пробного боя взялся тренировать ее особенно тщательно.

У Тариэля ей было намного лучше, чем у прежнего хозяина. Кормили лучше, и камера у нее была отдельная.

Вскоре проснулась ее медведица. Во время ее первого превращения Тариэль чуть не упал в обморок. Он был в шоке, но быстро сообразил, как сделать легкие деньги на маленькой особенностях своего бойца. Так и появилась Черная Медведица.

У них с Тариэлем сложилось своего рода партнерство. Он делал ей поблажки, но она никогда не забывала, кто он такой по отношению к ней.

Горячая вода приятно окутывала тепло тело. Ванна – это, оказывается, хорошо. Не чета ее старому тазику и тряпочке. Медведица взяла с подноса кусок мыла наугад. Ароматная пена смывала с тела пот, масло и усталость.

Медведица вылезла из ванны, когда вода уже почти остыла. Насухо вытершись, она задула все свечи и залезла в новую кровать. Перина обволокла тело. Пуховые подушки, взбитые до состояния облаков, громоздились в изголовье.

Медведица поерзала под пуховым одеялом, укладываясь поудобнее. Мягко. Непривычно.

Покрутившись в постели довольно долго, она поняла, что не может спать ни на животе, ни на боку, потому что тонет лицом в пуховых подушках. Они мешают дышать. Медведица вытянулась, лежа на спине и попыталась заснуть.

Неудобно...

Большой балдахин над кроватью тоже мешал. Он нервировал, нависая своей бахромчатой массой. Он выделялся в темноте на фоне серого потолка темной громадиной. Помаявшись еще немного, она встала, сбросила с кровати гору подушек и перину. На их место прямо на доски легло одно из пуховых одеял. Оно не такое пышное и высокое, как перина. На одеяло легла простыня. Затем настала очередь балдахина. Повозившись немного, Медведица сооб-

разила, как он отстегивается. Бессчетное количество развязанных тесемок спустя балдахин с мягким шелестом соскользнул с каркаса и лег вокруг кровати тяжелым кольцом, поблескивающим в дорожке лунного света золочеными нитями вышивки. Медведица юркнула на импровизированное ложе и накрылась другим одеялом.

Идеально. В меру мягко, но все же чувствуется твердая поверхность под собой. Медведица свернулась калачиком и закрыла глаза. Осталось четыре боя...

Осталось четыре боя.

Тариэль буравил взглядом поджарую женскую фигуру в «Круге».

Он уже все испробовал. Он дарил ей подарки, она отказалась от всех. Только ванну оставила. Новая комната ей не нужна. Даже не посмотрела. Пришлось переселить ее приказом. Подаренную одежду она почти не носит. Золотые украшения лежат в ее комнате нетронутые. Сладости изысканные не ест. Недавно Тариэль даже подарил ей Церата. Медведица предположила, что вместо освежавших мертвых туш ей на обед наконец перепала живая добыча. Съесть! Такого жеребца! Когда Тариэль сказал ей, что это, чтоб она каталась на нем потом, когда станет вольной, Медведица бросила один из своих насмешливых взглядов на Тариэля и сказала, что медведи верхом на коне вряд ли ездят. Да и где ей кататься-то? По комнате из угла в угол?

И теперь эта смуглая медведица ловко прыгает в «Круге», уворачиваясь от стремительных атак соперника и приближая свою свободу.

На памяти Тариэля никто из бойцов не доходил так далеко. Мало кто добирался даже до отметки в пятьдесят выигранных боев. А она уже почти свободна. И Тариэль ясно видел, что «почти свободной» женщине не интересны его предложения.

Тариэль сделал знак служанке. Она наполнила подставленный бокал вином и опустевший кувшин в ее руках мгновенно заменили на полный.

Тариэль мгновенно осушил бокал. Ложе хозяина размещалось вплотную к клетке арены. Несмотря на собственное хмурое настроение, он любовался Медведицей. Сегодня ей попался намного более ловкий противник, чем громила Луриса. Этот был гибкий, быстрый и хитрый. Он проворачивал хитроумные боевые комбинации и обманные маневры. Но Медведица не уступала. Блестела от пота голая женская спина, горели огнем черные глаза.

Тариэль всегда поражался тому, какая перемена происходила в ней на арене. Обычно угрюмая и несговорчивая одиночка-Медведица словно оживала. Она наслаждалась дракой. Она проживала эти мгновения на арене в полную силу, вкладывая всю свою древнюю медвежью сущность в этот процесс. И Тариэль хотел ее сильнее всего в эти моменты. Он любовался хищником, хоть и запертым в женском теле сейчас, но способным в мгновение ока откусить ему голову, и наслаждался тем, что она никогда не осмелится это сделать. Он ее хозяин.

Пока еще хозяин.

Как же хороша горячая вода! Уже больше месяца как Медведица получила в свое владение ванну, но все никак не могла перестать восхищаться ощущением, как горячая вода обволакивает тело. Медведица довольно вздохнула и забросила мокрые ступни на край ванны.

Ныли после боя ушибы. Сегодня сопернику удалось достать ее. Попалась на один из его маневров. Вот, кстати, интересный был прием. Нужно взять его в свой арсенал. Завтра она непременно опробует его на тренировке.

А сегодняшний противник ей понравился. Хороший был боец. Побольше бы таких попадалось. Заставил ее попрыгать. Жаль его... Он был достоин победы. Если бы ему в противники достался человек, он был бы на высоте. Но своей смертью он приблизил ее свободу еще на один шаг, и спасибо ему за это!

Осталось три боя...

Она услышала шаги Тариэля издалека.

Тариэль нервничал. Он помялся возле двери, оглянулся на слугу, державшего в руках поднос с угощениями, поправил букетик цветов в высокой стройной вазочке и, наконец, кивнул охраннику возле двери. Раб отодвинул засов и распахнул перед Тариэлем двери. Слуга внес в комнату поднос и оставил на столике. Тариэль подхватил с подноса персик и сел на стул возле ванны.

Медведица внимательно смотрела на него из-под полуприкрытых век. Тариэль молчал, беспощадно крутил в руках несчастный фрукт и заметно волновался. Медведица догадалась, что будет дальше. Сейчас начнется... Опять пришел уговаривать. Последние месяцы каждый их разговор сводится только к одной теме.

Она встала из воды. Тариэль затаив дыхание смотрел, как стекают по ее телу ручейки воды, как блестит влажная кожа. Персик укатился из его рук. Медведица шагнула из ванны и обернулась полотенцем. Тариэль подошел ближе, погладил ее по щеке, обведя пальцем ссадину на скуле.

– Больно?

– Заживет, – бросила Медведица.

– Может позвать к тебе лекаря?

– Не надо. К утру уже не останется следов. Ты же помнишь, кто я.

– Да. Я помню. У меня никогда не было бойца равного тебе.

– Тар, я же знаю, зачем ты пришел. Не трать слова напрасно. Я не останусь в «Круге».

– Ты же много лет провела здесь. Сколько? Десять? Нет, двенадцать. Что ты будешь делать там? Ты же ничего не умеешь, кроме как драться.

– Я научусь.

– Чему и у кого? Ты там никого не знаешь. А я предлагаю тебе сытую безбедную жизнь.

– Нет.

Тариэль взял ее за руку и заглянул в глаза.

– У меня есть еще предложение. Я сделаю тебя своей главной любовницей. Это очень почетно!

– Не сомневаюсь, – она высвободила руку. – Но я не буду с тобой спать.

– Ты пожалеешь, если откажешься!

– Зачем тебе я, Тар? У тебя столько рабынь. Они красивые, молодые, белые и черные... Всякие! Бери любую! И бойцы новые никогда не закончатся.

– Им до тебя далеко! Ты лучшая. Я хочу именно тебя. Ты столько лет рядом со мной. Ты стала мне кем-то вроде младшей сестры!

– Ты зарабатываешь на мне деньги. Вот и все.

– Одно не исключает другое.

– Нет, Тар. Шлюхой я не стану.

– Может, ты забыла, но я твой хозяин! В награду за твои успехи я дал тебе определенную свободу. Ты разговариваешь со мной почти на равных, я прощаю тебе дерзости и неповиновение. Других бойцов за это же давно бы высекли. Если я прикажу, ты придешь в мою постель. Или тебя приведут силой, – Тариэль терял терпение.

– Сделай это, Тар, и я убью тебя. Даже если сдохну сама, я заберу столько твоих охранников, сколько смогу. Шлюхой я не буду, – непреклонно нахмурились темные брови на смуглом лице.

– Тариэль вздохнул и прижал ладонь ко лбу, потер переносицу и в отчаянии выложил последний козырь.

– Я... женюсь на тебе...

Женское лицо вытянулось в изумлении. Тариэлю самому до конца не верилось, что он осмелился это сказать. Его ладони вспотели. Ворот халата давил на шею ярмом. Тариэль даже не успел толком насладиться эффектом своих слов на нее. Она хмыкнула.

– Заманчиво, Тар. А что сделают с тобой твои богатые посетители, когда узнают, что ты женился на бывшей рабыне? Вдруг они перестанут ходить в «Круг»? Ты же сам не веришь, что сделал бы это.

Тариэль нервно сглотнул.

– Арен, равных «Кругу» нет ни в одном из соседних городов. Город смирится.

– Не смирится. И жены из меня не получится. Не позорь себя. Я не останусь в «Круге».

– Я не понимаю, почему ты упрямисься! Ты – никто! А я дам тебе имя! Свое имя!

– У меня уже есть имя...

– Может, и было когда-то. Только ты и сама его уже не помнишь.

Тариэль крутанулся на пятках и сердито пнул тяжелую кованую дверь. Заныли ушибленные пальцы в мягких туфлях. Стражники открыли створку со смотровым окошком, и Тариэль бросился вперед, нетерпеливо толкнув стражника.

В кабинете царил приятный полумрак. Тариэль мерил шагами устланный коврами пол. Вино в кувшине почти закончилось, а Тариэль все никак не мог успокоиться.

Проклятая девка! Никому из бойцов даже и не снились такие блага, которые он ей посулил. Никому! А она! Одним словом – медведица. Зверь. Тариэль слышал об оборотнях, что больше всего они ценят свой треклятый лес.

Тар прекрасно понимал, чем рисковал. Что сказал бы его отец, если бы «Круг» – дело всей его жизни – потерпел бы крах из-за женитьбы его наследника на рабыне. А как богатые благородные горожане посмотрят на то, что жена одного из них дерется голая в «Круге»? Только шлюхи и бойцы ходят голыми.

Стоила ли прибыль от ее боев такого риска? Может, и не стоила. Тариэль очень хорошо разбогател за время ее пребывания здесь, расширил «Круг», покупал лучших бойцов и рабынь. Но Тариэль смотрел на Медведицу со смесью страха и вождления.

Сегодня он исчерпал последние доводы. Все, уговоры бесполезны. Значит, нужно придумать что-то другое. Хорошо, если бы она совершила что-то такое, что дало бы ему право обнулить ее счетчик. Может, не полностью, но хотя бы до половины. Но она слишком хочет на свободу и не сделает ничего незаконного. Значит нужно ее вынудить. Или подстроить.

Может, инсценировать ее побег? Нет. Не то. Судьи не поверят. Зачем ей убегать, если она и так почти на свободе? Обвинить ее в воровстве? Нет. За это не обнуляют счетчик. Только высекут или ухо отрежут. Но калечить ее он не хотел.

Или все-таки побег?

А что, если подстроить все так, будто Медведица напала на него, на хозяина, но покушение не удалось, и она попыталась сбежать, понимая, что ей грозит казнь. А еще можно объявить, что, пытаясь сбежать, она нанесла хозяйству Тариэля ощутимый ущерб, убив нескольких его лучших охранников. А потом Тариэль подкупит судью и уговорит его заменить для нее казнь на обнуление контракта.

А если судья не согласится? Тогда Медведицу казнят. Но ведь, если ее контракт будет выполнен, Тариэль тоже потеряет ее. Так что, можно рискнуть оставшейся выгодой от трех последних боев.

Только вот какая причина могла бы заставить ее напасть на своего хозяина? Из-за попытки взять ее силой?

Тариэль снова зашел в тупик. Весь город судачит о том, что Тариэлю не хватает смелости получить от собственной рабыни то, что он больше всего хочет. Уличные художники рисуют пошлые рисунки, а менестрели поют скабрзные песенки о хозяине «Круга» и его рабыне. А

базарный театр даже показывает похабную пьеску, в которой ряженая под Медведицу актриска картинно отрывает ряженому Тариэлю тряпичное мужское достоинство.

Тариэль хмыкнул. А хотя, ведь может сработать! Вот хозяин попытался по праву получить от рабыни все, что ему полагается в последние дни ее контракта. Кто его за это осудит? Мог ли он набраться смелости? Люди поверят, что мог! Да, эта тема станет главной новостью на городских улицах на долгое время. Но ничего, Тариэль легко перенесет смешки и слухи. Это даже подстегнет интерес людей к «Кругу».

Тариэль сел в кресло и налил себе вина. Постепенно пустел витой хрустальный графин. Постепенно успокаивался хозяин «Круга», продумывая все новые детали своего плана.

Короткий стук двери, и высокая створка бесшумно отворилась на тщательно смазанных петлях.

– Господин, к Вам посетитель.

– Кто?

– Очень богатый господин. Одежда на нем очень красивая, вся камнями расшитая.

– Пусть придет завтра. Сейчас я никого не принимаю.

– Я так и сказал, господин. Но он не хочет уходить. Говорит, что дело очень важное и лучше моему господину принять его, чтоб потом сильно не пожалеть.

Тариэль нахмурился. Кто это мог быть? Это угроза? Каков наглец! Нашел кому угрожать! Тариэль осушил бокал одним глотком и встал с кресла.

– Проси! – коротко бросил он слуге.

Тариэль хмуро рассматривал нежданного гостя, расслабленно рассевшегося в хозяйском кресле. Полы его черного бархатного камзола были расшиты мелкими бриллиантами и жемчугом, а манжеты и воротник украшены серебряной каймой. Гость сидел, сложив руки на резные подлокотники кресла. Блеснули камни в перстнях, украшавших ухоженные длинные пальцы. Интересно, что это за камни? Агаты? Красивые, глубокого черного цвета. Хорошие камни.

Черные глаза гостя буравили, прощупывали, изучали. Царапала невидимыми колючками ирония во взгляде незнакомца. В затуманенном вином сознании вдруг запульсировало беспокойство. В горле Тариэля пересохло.

Он встряхнулся и глотнул вина из бокала. В конце концов, кто здесь хозяин? – всколыхнулась гордость. Незванный гость скривил губы в усмешке, словно видел насквозь. Чуть склонилась на бок голова незнакомца. Мужчины молчали. Тариэлю было не по себе. Он решил дать незнакомцу первую возможность высказать цель своего визита. А незнакомец просто сидел и изучал Тариэля, наслаждаясь его испугом.

Да, он наслаждался. Наслаждался смятением в душонке этого глупца. Он чувствует чужую силу, но отрицает ее. Стоит, чуть покачиваясь от выпитого вина, но хорохорится, сопротивляется.

Вегран с презрением оглядел хозяина «Круга». Неумеренность в еде и выпивке сказалась на его фигуре некоторой обрюзглостью. Сколько ему лет? Около сорока на вид. Но над поясом халата уже нависло небольшое пузцо, а в волосах уже есть проплешина, которую хозяин «Круга» старательно прикрывает, зачесывая волосы назад. Вроде бы и не толстый, в общем-то, но какой-то рыхлый... Неужели он думает, что расшитый шелковыми нитями халат отвлечет внимание от его одутловатого лица?

Тариэль нервно кашлянул.

– Я пришел, чтобы выкупить у тебя Черную Медведицу, – темные глаза гостя снова скребли душу Тариэля.

– Что? – хозяин кабинета на мгновение оторопел, а потом рассмеялся. – Медведица не продается.

– Ее контракт почти выполнен. Тебе больше не будет с нее выгоды. Я же предложу за нее неплохие деньги.

– А зачем тебе самому боец с почти истекшим контрактом? Доход от оставшихся ей боев не покроет твоих затрат на ее покупку. Какая тебе выгода?

– Тебя это не касается, – сверкнул глазами гость. – Завтра я пришлю к тебе своего слугу. Он принесет золото.

– Я уже сказал – Медведица не продается. Прошу тебя покинуть мой дом! – Тариэль сделал жест в сторону двери.

– Тебе даже не интересно, сколько ты мог бы получить, не будь ты упрямым ослом?

– Нет.

– Подумай хорошо! Я дам тебе время до утра.

– Я уже все сказал.

– Я все равно получу ее. Дважды предлагать я не буду.

– Уходи.

Незнакомец поднялся из кресла и подошел вплотную к Тариэлю, который усилием воли заставил себя не отступить под тяжелым взглядом темных глаз.

– Ты очень пожалеешь о своей недалекости, – незнакомец поддел указательным пальцем ножку бокала в руках Тариэля. Винные капли расплылись на светлом шелке халата как капли крови. – Ой, какой нехороший знак!

Гость ушел, оставив побледневшего Тариэля с пустым бокалом в руках.

Прошло уже три недели с визита странного ночного гостя, но Тариэль все никак не мог выбросить из головы его последние слова. Несколько раз на дню он прокручивал их диалог в голове и почему-то верил в угрозу незнакомца. Потом заставлял себя встряхнуться, внушал себе, что это просто пустые угрозы обиженного покупателя. Но беспокойство все равно сидело в душе. Оно шевелилось и обустривалось там, занимая все больше места.

Но незнакомец в черном больше не появлялся и вестей о себе не подавал. Тариэль пробовал разузнать о нем в городе, но никто не смог сказать ничего вразумительного.

В «Круге» заканчивали последние приготовления к вечерним боям. Посетителей еще не было. Вокруг столиков первого яруса сновали слуги, расставляя на столиках угощения и вино. Служанки взбивали подушки и чистили ковры.

Хозяин «Круга» допивал свой первый графин вина. Беспокойство не проходило.

Помимо странного гостя, был еще повод для волнения. Тариэль был готов воплотить в жизнь свой план относительно Медведицы. Детали продуманы, нужные судьи подкуплены, угодные слуги выбраны, подходящие стражники предупреждены. Через несколько дней план будет воплощен в жизнь. Медведица останется в круге. А сегодня будут бои.

Тариэль откинулся на подушку и попытался расслабиться. Не получалось. Как все пройдет? А что, если судья заартачится? А что, если стражники не справятся. Ведь Медведица будет драться в полную силу. А если старуха-знахарка забудет положить в зелье для Медведицы ослабляющий ингредиент? А что, если... что, если... С каждым новым выпитым бокалом этих «что, если...» становилось все больше.

Зрители заполнили «Круг». Миновали первые разогревочные бои, получили свои выигранные деньги везунчики, поставившие на победителей. Объявили выход главной пары бойцов вечера. Служитель арены доложил, что Медведица готова к бою, зелье выпито, оружие проверено.

И вот бойцы уже стоят на арене: Черная Медведица на черной стороне, ее соперник на белой. Два флага висят на решетке арены.

Тариэль оглядел ряд столиков первого яруса и вдруг наткнулся взглядом на знакомую фигуру в темном камзоле.

Ночной гость!

Тариэля бросило в жар. Незнакомец был не один. Рядом с ним сидел аккуратного вида мужчина в дорогой одежде. И словно в насмешку, странный ночной посетитель улыбнулся Тариэлю, приподнял бокал с вином в приветственном жесте и пригубил его.

Ударил гонг, и поединок начался.

Незнакомец пристально наблюдал за Медведицей, одобрительно кивая при эффектных приемах.

Еще несколько атак, и Медведица сломила сопротивление соперника, который остался лежать на песке «Круга» изувеченной горой. Зрители ликовали. Свист, крики, топот ног и удары кулаками о столы слились в оглушительную восторженную какофонию. Еще один бой успешно закончен. Все прошло хорошо. Тариэль торжествуя улыбался, глядя на гостя, который вдруг поднялся, опрокинул кувшин вина, стоящий на столе, и направился к выходу. Правильно, пусть проваливает отсюда. Ему здесь ничего не светит. Тариэль провожал взглядом высокую темную фигуру.

А смотреть нужно было на его неприметного спутника, потому что именно он перед уходом достал откуда-то из кармана маленький белый камушек и бросил его на арену к ногам Медведицы. Служители арены уже подсчитывали куш, как вдруг восторженные крики толпы сменились удивленным воплем. Тариэль с возрастающим беспокойством понял, что все зрители затихли, глядя на арену. А там...

У Тариэля похолодело все внутри. Там его Медведица осела на колени, тяжело дыша.

Ей было плохо. Она понимала, почему. Зверь внутри нее рвался наружу. Накатывали на тело удушливые волны жара и паники. Шумело в ушах. Никогда прежде не было настолько трудно удерживать себя от обращения. А ведь она выпила то проклятое зелье и весь бой чувствовала себя нормально. А сейчас, упав на колени, она старалась продышать, подавить потребность обращения. Зверь внутри нее выигрывал. Словно ужаленная осами, ее медведица ревела и метала. И с каждым мгновением растворялся тщательно выстроенный невидимый барьер внутри сущности Медведицы. Судорожный вдох, до тошноты сжавшиеся внутренности. Еще одно натужное усилие, но вместо человеческого стога раздаётся медвежий рык.

Тариэль с ужасом смотрел, как удлиняются ее ногти, превращаясь в когти, как обрастает шерстью увеличившееся тело. Всего несколько мгновений, и на месте женщины теперь зверь – крупная черная медведица.

Зрители отшатнулись единой волной. Изумленный выдох прошелся по толпе. В оглушающей тишине Тариэль слышал биение собственного сердца.

А затем толпа взорвалась негодованием. Слышались обрывки проклятий и крики: «Мошенничество! Обман!». Толпа сорвалась с места. Зрители второго яруса обезумели. В считанные мгновения они смели тонкую решетку, отделяющую их от зрителей первого яруса.

Разгоряченная поединками и видом крови толпа линчевала господ и смяла охрану «Круга». Толпа проглатывала их одного за другим, выплевывая наружу изувеченные окровавленные остатки. Тариэль наблюдал, как разъяренные люди бросаются на решетку арены, стремясь добраться до Медведицы, которая все еще не могла прийти в себя после обращения.

Решетка арены была несравнимо крепче. Кованая, тяжелая, она выдержала, погнувшись лишь в нескольких местах.

И тогда толпа обратила свой многоглазый взор на хозяйскую ложу, в которой до сих пор сидел оцепеневший от ужаса Тариэль. Деваться ему было некуда.

Кто-то вырвал из рук Тариэля тяжелый подсвечник, которым хозяин «Круга» неловко замахивался на толпу. Тариэля схватило множество рук. Подмяли, опрокинули. Удары и пинки градом сыпались со всех сторон. Боль накатила и поглотила разум. Не осталось ничего, кроме боли.

Наконец, после очередного удара сознание Тариэля милосердно схлопнулось. Он уже не видел, как толпа громила его заведение, перемалывая и уничтожая плоды труда многих лет. Он не видел, как ворвались в «Круг» солдаты города и разогнали толпу. Он никогда не узнает, как пришел позже городской охотник и выстрелил в медведицу дротиком, смазанным парализующим веществом. Тариэль не чувствовал, как его самого подхватили за руки и ноги и бросили в темницу.

Тариэль умер чуть позже той же ночью.

Кап... Кап... Кап...

Это был первый звук, который она услышала. Где-то вода капала. Звук падающих капель эхом разносился в гулкой тишине. А затем сдавленные рыдания неподалеку. Голова болела. Онемевшие ноги, впрочем ощутимо стыли. Холодно... Язык во рту казался распухшим, а горло пересохшим.

Медведица с трудом разлепила веки. Перед глазами все кружилось. Она еле перекатилась со спины на живот.

В человеческом облике, поняла она.

Руки и ноги плохо слушались. Постепенно пространство перед глазами перестало вращаться. Кожу кололи тысячи иголок, словно она отлежала себе все тело сразу. Она стиснула зубы и постаралась замереть, потому что при каждом новом движении боль в мышцах усиливалась, доходя почти до судорог. Постепенно боль схлынула, оставив некоторую ломоту в мышцах.

К этому времени Медведица поняла, что находится она в камере. Глухие стены со следами плесени на крупных камнях были лишены окон. Сводчатый низкий потолок поддерживали квадратные приземистые колонны. Камера была смежна с еще одной и разделялась простой кованой решеткой. На стене возле решетки чадил один единственный факел.

Напротив нее на соломе сидели, прижимаясь друг к другу, две женщины в лохмотьях. Одна была совсем молоденькая. Она прижималась к женщине постарше и всхлипывала. Когда Медведица зашевелилась, женщины затихли и замерли.

Сколько времени она пролежала без сознания, она не знала. Она помнила свое превращение и помнила, как толпа бросалась на решетку, а потом добралась до Тариэля. Рука непроизвольно метнулась к шее. Ошейника нет. Значит, Тариэль мертв. Рука в отчаянии опустилась. Если бы ее просто передали новому хозяину, ошейник бы оставили. Значит, ее контракт обнулен. Обнулен! Все напрасно. Эти двенадцать лет тренировок, драк, показушных боев... Все впустую!

Зверь внутри нее снова проснулся. Ярость подпитывала ее. Медведица не стала сдерживать превращение. Незачем! Впервые за многие годы ей было плевать, что кто-то увидит. Мошеничество Тариэля раскрыто. А ведь она его предупреждала! Он не хотел ее слушать! Все начнется сначала! Если ее, конечно, оставят в живых после всего этого. Зверь вырвался наружу. Медведица зарычала. Женщины напротив в ужасе завопили. Вот курицы!

Медведица дала волю своему гневу. Она поднималась на задние лапы, рычала, разбрасывала солому, кусала решетку, металась на подгибающихся от слабости лапах, снова рычала, редела. Женщины на соломе вжались в стену и верещали от ужаса. Злость забрала еще не восстановившиеся силы. Постепенно Медведица выдохлась и теперь в человеческом облике сидела в углу, тяжело дыша. Полустон-полурыв вырывался из ее пасти. Силы кончились. Она

прислонилась спиной к стылой стене, затылком ощущая замшелые камни. Мелко дрожали от слабости сцепленные на голых коленях руки.

Пленницы-соседки угомонились.

Дни и ночи смешались, спутались и переродились в рваный комок из кусков короткого сна и бодрствования. Счет времени был потерян. Довольно регулярно приходили охранники, которые выносили ведра, меняли факелы и раздавали хлеб и похлебку.

Иногда охранники выволакивали женщин по очереди в смежную камеру. Медведица знала, что будет. Сколько раз ее саму в подвалах первого хозяина вытаскивали вот так же из общей камеры охранники. Возня и вскрикивания в смежной камере ясно свидетельствовали о том, что там происходит.

Против воли всплывали в памяти картинки тех давних тяжелых дней. Отвратительные, грязные, как и само то место.

Медведицу тоже забирали, обколов предварительно дротиками с парализующим веществом. Они ее боялись. Она знала. Они никогда бы не решились, будь она в сознании. А потом они выбрасывали ее на пол камеры в полубморочном состоянии.

Хотела ли она теперь умереть?

О, нет! Она хотела жить!

Лежа на соломе с онемевшим телом, она грезилась свободой, хоть и не помнила, что это такое. Поэтому она фантазировала на основе тех скудных впечатлений, которые остались у нее со времен, когда ее вывозили на бои в другие города. Она представляла себя лежащей на зеленой траве под ночным небом. И прохладный ветер, ласкающий медвежью шерсть.

Она никогда не выходила на улицу в облике зверя. Наверное, это невероятное ощущение – когда когти впиваются в кору деревьев. А еще, наверное, замечательно искупаться в реке, а потом вылезти и отряхнуться, разбрасывая веером вокруг себя серебристые водяные искры. Она видела из окна своей комнаты в «Круге», как отряхиваются дворовые собаки после игр в воде. Она до скрипа в зубах им завидовала.

Скучала ли она о «Круге»? Нет. Тариэля было жаль немного. Все-таки, ей у него жилось лучше, чем многим рабам-бойцам у их хозяев. Но для нее сожалеть о «Круге» было равносильно тому, чтоб зверю сожалеть об одной клетке, сидя в другой. Здесь клетка хуже, там была лучше. Но все равно клетка...

Брезгливость, отвращение, омерзение – вот и вся гамма чувств, подвластная ей сейчас.

Когда-то давно в детстве надсмотрщики внушали им, что у рабов не может быть чувства собственного достоинства и не может быть другого желания, кроме как угодить хозяину. Что раб должен безропотно принимать все, что уготовано ему хозяином. Вот только она не научилась этому. Не смогла, не хотела. Не смирилась.

Медведица ждала своего шанса... Ведь он будет. Он обязательно подвернется. Тот шанс на свободу. И она ухватится за него зубами и когтями. Выгрызет, вырвет. Она не станет тратить силы на пустые причитания и сожаления о днях, проведенных здесь. Одним пятном больше, одним меньше. Какая разница?

А женщины-соседки смирились. И уже не сопротивлялись, когда их в очередной раз вели в смежную камеру. Медведица все больше времени проводила в своей звериной ипостаси. Так она меньше мерзла, охранники реже лезли к ней, а женщины-соседки чаще молчали.

А потом ее вдруг забрали из камеры. Заковали руки и ноги и повели по извилистым длинным коридорам со множеством дверей. За одной из них обнаружилась арена на подобие «Круга». Здесь возле специального стола местный маг прицепил ей на шею временный ошейник.

С Медведицы сняли оковы, и впихнули в огороженную зону. Через пару минут с другой стороны арены в узкую кованую дверцу впихнули еще одного бойца. Таких тварей Медве-

лица раньше не видела. Тело походило на человеческое, исключая светло-серого цвета кожу, покрытую коротким редким мехом. А голова... Абсолютно черные глаза на удлинённом лице. Широко расставленные заостренные уши, большой клыкастый рот. Существо походило на оборотня, застрявшего на половине превращения. Полумышь-переросток. И оно жутко вопило. Вопль ударял по барабанным перепонкам, вызывая сильнейшие приступы головной боли. Неимоверно быстрое, стремительное и злобное.

Оно бросилось в атаку сходу. Бойцы сцепились. Медведица пробовала драться в облике зверя. Непривычно. Но в человеческом теле шансов выжить еще меньше. Медвежья живучесть и толстая шкура были хорошим подспорьем в этой схватке.

Непонятное существо вырывало зубами и когтями клочья меха из медвежьей шкуры, визжало, когда медвежьи зубы впивались в ответ. Через пару минут боя шкуры обоих бойцов были исполосованы. Существо стремилось добраться до горла. Преимущество было явно не на стороне Медведицы. Она уступала. Ее излюбленные маневры, так идеально срабатывавшие на людях, здесь почти не помогали. Не хватало скорости, чтоб проводить их на таком противнике. Но как только Зверо-мышь опрокинула Медведицу не спину и приготовилась вскрыть сопернице горло, маг возле стола бросил в тарелку с водой два камушка, и оба бойца, как по мановению волшебной палочки, рухнули без чувств.

Медведицу приволокли в камеру и бросили на солому. Она не могла сказать, сколько времени пролежала без сознания. Когда она очнулась, обнаружила рядом с собой таз с холодной водой и пару лоскутов ткани. Кровь на ранах уже запеклась.

Медведица смыла с тела следы недавнего боя. Через несколько дней раны окончательно зажили, и ее снова запихнули на арену.

И все повторялось снова и снова. Бой за боем. А потом она залечивала в камере раны от клыков, когтей, шипов, хвостов... Пару раз ей попадались ядовитые соперники. Если бы не противоядие, которое выдал ей после боя местный маг, она бы умерла. После укуса одного из них рана сильно воспалилась и загноилась. А второй раз магу пришлось вливать противоядие ей в горло прямо на арене, потому что яд подействовал почти мгновенно.

Терпи, мохнатая... Это тебе не в «Круге» человечков давить.

Оборотни, полукровки-эльфы, орки, великаны, гарпии... Кого только не сталкивали здесь в этих тренировочных боях, которые останавливали каждый раз, когда обозначался явный лидер боя.

Медведица понимала, что это все просто притравка. Распределительный пункт для таких, как она. Скоро ее выставят на торги, и ее купит новый хозяин. И все начнется сначала.

Там, на новой арене все будет уже по-настоящему. Никто не станет останавливать бой. Сдохни или победи. С арены выходит только один. И Медведица хотела уходить с арены самостоятельно. И потому она старалась учиться. После первых боев ее уносили с арены полумертвую, истерзанную. А потом, зализывая раны в камере, она обдумывала и анализировала прошедшие бои. Все-таки годы тренировок в «Круге» не прошли даром. Пусть у нее не было опыта драки с равными противниками, но там ей дали определенные знания. Поведение соперников, тактика и стратегия боя, обманные маневры. Да, многие эти сведения касались человеческих противников, но некоторыегодились ей здесь. Постепенно она привыкала.

Учиться и восстанавливаться было бы легче, если бы еда была более питательная. Мясо не давали вообще. Пустая похлебка и хлеб не могли обеспечить крупное медвежье тело нужной ему энергией. Но и другие бойцы были в таких же условиях, хотя, несмотря на скудный рацион питания, они с успехом надирали ей зад в каждом бою. А это значит, что она все еще слабый противник и шансов выжить у нее в реальном бою с этими существами очень мало.

А потом был невольничий рынок. Медведицу и еще нескольких рабов-бойцов привезли в большой закрытой повозке, разделенной на отсеки решеткой. Покупатели заходили, приценивались, читали бирки, прикрепленные возле каждого отсека.

После целого дня торгов не проданной осталась только Медведица. Первой забрали ту самую зверо-мышь. Новый хозяин был держателем охотничьего парка. Он громко смеялся и приглашал всех поучаствовать в травле зверо-мыши и обещал хороший выигрыш тому, чей раб задерет дичь. Интересно, а хватает ли этой зверо-мыши интеллекта, чтоб понимать, что ей уготовано? Вряд ли. Но так даже лучше. У этой категории бойцов не заключаются контракты. Их отлавливают в Белом лесу специально для таких целей. Она никогда не выйдет на свободу. А в этом случае уж лучше сдохнуть сразу, чем служить дичью.

После мыши обрели своих новых хозяев две сестры-великанши. Этим повезло больше, чем зверо-мыши. Они поедут в Чивенк. Там неплохая арена. Пользуется хорошей репутацией.

Последней продали молодую драконицу. О ее спинные щитки в одном из боев Медведица чуть не сломала себе клыки, когда пыталась схватить ее за холку. И получила в ответ удар раздвоенным, как плетка, хвостом с ядовитыми шипами. Хороший боец, эта ящерица. Умная, хитрая. Зря не бросается, атакует прицельно, бьет точно. Это тебе не истеричная психованная зверо-мышь, полосующая когтями куда ни попадя.

У клетки Медведицы покупатели особо не задерживались. Они подходили, заглядывали в бирку, цокали языками, качали головами или поджимали губы и уходили. Наверное, там написано, что она – Медведица – боец никудышный. Бирку из отсека разглядеть не выходило. Не важно. Медведица просто ждала.

Наконец, надсмотрщик отдал приказ собираться в обратный путь. Охранники закрепили на двери повозки откидную лесенку, вытащили из земли колышек с вывеской. Надсмотрщик влез на козлы рядом с возницей, охранники на своих лошадей, и процессия двинулась по дороге. Вскоре стих за стенками повозки шум улиц. Не стало слышно людских разговоров. Они покинули город. Закончилась мощеная городская улица, и огромная тяжелая повозка медленно покатила по лесной дороге, неуклюже брякая колесами на ухабах. Медведица тряслась в своем отсеке.

Примерно на половине пути по расчетам Медведицы повозка вдруг остановилась. Медведица слышала, как спрыгнул с козел надсмотрщик. Слышала топот копыт лошадей с другой стороны. Кто-то встречал их повозку.

– Ну, здравствуй, Нарго! Пока тебя дождешься, состариться можно, – сказал незнакомый мужской голос снаружи.

– Долго не мог продать одну драконицу. Не мог же я припереть ее обратно в крепость, – сказал надсмотрщик и сплюнул. – Фу, пылища!

– Она там?

– Там, родимая, – гоготнул надсмотрщик.

– Покажи.

– Да пожалуйста! Смотри! Чего там смотреть-то? Есть и получше рабы... Хоть эта драконица... Только дорого стоила, зараза... – бурчал надсмотрщик, отпирая засов. С глухим стуком упала откидная лесенка, отворилась дверь, и в повозку зашел мужчина. Он взглянул на бирку.

– Печать моя стоит. Хорошо... – он встал напротив отсека, скрестив руки на груди, и в упор уставился на Медведицу. Невысокий, довольно молодой, ладного телосложения, нарядно одетый, щеголевато зачесанные набок волосы. Медведица его уже видела! Это именно он бросил белый камешек к ее ногам в «Круге»!

– Почему она такая вялая? Кормили плохо? Когда я видел ее в последний раз, она была крупнее. Или вы ее дротиками кололи? Кололи? Признавайся!

– Не кололи, господин! Вот вам зуб даю – не кололи! – замахал руками надсмотрщик. – Дралась она недавно. Не зажило еще. Пара дней, и как новенькая будет!

– Смотри мне... Если испортил мне товар, шкуру спущу!

– Если она такая ценная, может, накинешь сверху десяток золотых, а! – заискивающе осклабился надсмотрщик. – А я тебе повозку одолжу. Не на лошади же ты повезешь ее...

– Ты свою цену за нее получил еще до того, как она в Крепость попала. Я свои обязательства выполнил. Пропил деньги-то?

– Помилуй, господин! Семья ведь у меня, детки... Жена на сносях опять. Добавь золотой, а!

– Ладно! Возьми! – надсмотрщик ловко поймал на лету брошенную ему монету.

Медведица не верила своим ушам. Оказывается, ее уже давным-давно продали. Это была афера! Это он раскрыл Тариэля! Это из-за того камешка Медведица обратилась прямо на арене! Он организовал всю эту схему. И теперь стало ясно, что ему нужна была именно она. Но зачем?

Странный человек вытянул вперед правую руку, произнес какие-то слова, и Медведица почувствовала сильное жжение под грудью справа. Она зашипела и оттянула ворот рубища. На коже в районе нижних ребер теперь ярко алело клеймо: змея, свернутая спиралью.

– Это тебе новая метка, милая, – улыбнулся мужчина белоснежными зубами. – Отстал от жизни твой Тариэль. Ошейники теперь используют только старые пердуны. Грузите!

Он махнул рукой, и двое вооруженных мужчин выволокли Медведицу из повозки.

Ей дали лошадь. Животное нервничало. Кобыла чувствовала сущность своего будущего седока и нервно переступала ногами. Но и новоявленная наездница не горела желанием садиться в седло. Она никогда не ездила верхом и к лошадям особой любви не питала. Она бы с удовольствием пошла своими ногами. Медвежьими или человеческими – не важно. Чтоб вот как сейчас, чувствовать землю под пятками.

– Залезай! – рывкнул один из охранников и пихнул ее в спину. Ну, что ж, деваться некуда. Медведица схватилась за луку седла, подтянулась и довольно ловко для первого раза забралась в седло. Лошадь нервно всхрапнула и дернула головой. Медведица напряглась, сжимая коленями бока животного. Охранник привязал ее лошадь к своей, и небольшой караван двинулся вперед.

Медведице тяжело давался путь. Болела напряженная спина, задница болталась и нещадно билась о седло. Да лучше снова сойтись в драке со зверо-мышью, чем еще раз залезть в седло! Но, несмотря на все это, она радовалась. Она впервые ехала куда-то прямо под открытым небом. И сейчас это казалось ей самым невероятным волшебством. Она вдыхала запахи леса, запахи лесных обитателей, пересекших тропу какое-то время назад, запахи трав. Настоящих лесных трав, а не масла в пузырьках! Ветерок забирался под подол рубища, охлаждал голые бедра, шевелил чуть отросшие волосы на голове. Он гладил по лицу, по плечам, играл с воротом ее одеяния.

Медведица пьянела от обилия запахов и цвета вокруг. Хотелось закрыть глаза и отдаться этому ощущению целиком. Только Медведица опасалась, что тогда свалится с седла прямо в дорожную пыль. А хотя, она в самом деле не прочь была бы повалиться в пыли. И в траве, вон там под деревьями! Там растут какие-то растения с сильно резными листьями. На вид как перышки у птиц. Вот в них бы и завалиться! А вон куст с какими-то ягодами! Интересно, какие они на вкус? Медведица крутила головой, пытаясь разглядеть как можно больше, не замечая, как онемели от напряжения сжатые пальцы.

Они ехали трое суток. На второй день путешествия Медведица была готова забрать назад свои мысли о том, что прошлый день, проведенный в седле был кошмаром. Нет. Настоящим кошмаром оказался вечер, когда она, словно мешок, вывалилась из седла на стоянке. Ехать верхом она немного приноровилась. А вот слезать с лошади оказалось гораздо сложнее. Онемели от напряжения мышцы, ныл отбитый зад.

Ей выдали внушительный ломоть хлеба, кусок вяленого мяса и кружку с водой. Один из охранников швырнул ей свернутое рулоном шерстяное одеяло. По примеру охранников она расстелила одеяло на земле и, уничтожив нехитрый ужин, улеглась спать. Приятной тяжестью отзывался желудок, впервые за долгое время наполненный мясом. Тело болело после верховой езды, но ей было не привыкать терпеть боль и неудобства. Это временно. Это пройдет. Утром будет намного легче, спасибо за это ее сущности оборотня. Ведь все замечательно! Ощущается под спиной через одеяло неровность земли. Охранники ворчат из-за того, что приходится спать на кочках. А ей было нормально. Более того, ей было замечательно! Ведь под ней настоящая живая земля! Вокруг лес. Шумит темными кронами неумный ветерок. Перекликаются на разные голоса какие-то ночные создания в чаще.

Медведица долго не могла уснуть. Уже давно храпели по соседству охранники. Отдыхали привязанные к стволам ближайших деревьев лошади. Оставленный дежурить страж клевал носом, прислонившись спиной к большому пню.

Вот бы сбежать! Это было бы просто! Обратиться медведицей и уничтожить часового. Он даже не поймет, откуда пришла смерть. Перебить охранников казалось не самой сложной задачей. А потом откусить голову этому их главному. А после – на волю! И никто бы не хватился ее долго. Очень долго. Мало ли в лесах путников, ставших добычей диких зверей. Вот только клеймо на ее боку убьет ее сразу, стоит лишь поставившему его мужику перестать дышать.

Словно услышав ее мысли, торговец высунул голову из своего шерстяного кокона.

– Даже не думай. Достать меня ты все равно не сможешь. А попытаешься сбежать, получишь плетей.

Медведица отвернулась. Хорошо, она не будет думать. Не будет смаковать в уме возможные варианты бегства. Не будет представлять себе, как сломается под ее лапами шея торговца. Пока не будет.

Утром она действительно чувствовала себя вполне сносно. Мышцы почти не болели. Вся группа быстро позавтракала, охранники свернули лагерь, Медведицу загнали в седло, и путь продолжился.

На третий день пути лес впереди расступился и выпустил путников на большую поляну. Посреди нее стоял большой дом из серого камня, обнесенный высоким забором. Жилище напоминало скорее крепость, чем дом. По углам его были пристроены четыре башенки с бойницами, в которых виднелись лучники.

Дорога расширилась и привела к высоким кованым воротам, створки которых открылись и проглотили группу всадников. Медведица озиралась, рассматривая свод ворот над головой, высокие стены, широкий двор, снующих повсюду солдат.

Во дворе ее стащили с лошади и завели в дом. Слева от входа шел длинный коридор с рядом дверей. Конвоиры провели Медведицу в самый конец коридора и отперли низкую кованую дверь, за которой обнаружилась лестница в подвал. В нос тут же ударил знакомый до отвращения запах подвальной плесени и сырости. Пара десятков ступеней, и Медведица снова оказалась в темнице. Подвал был поделен на отсеки и камеры с толстыми решетками. Сопровождающие солдаты отперли крайнюю камеру и впахнули туда Медведицу.

Опять в клетке.

Если раньше Медведица относилась к клеткам вполне спокойно, то в этот раз ее лихорадило от отвращения. После свежего воздуха, после леса и открытого неба эта вполне в общем-то чистая камера казалась каменной помойкой. Стены давили, низко нависающий потолок угнетал своей близостью. В носу свербило от запаха горящих на стенах факелов. Конвоиры молча закрыли камеру и подвал и ушли, оставив Медведицу одну.

Про нее, казалось, забыли. День за днем она куковала одна в этой камере шириной в четыре ее шага. Раз в день приходил охранник, который приносил еду и убирал отхожее ведро.

В остальном темница была пуста. От спертого воздуха и скуки хотелось рычать. Тело зудело от желания обратиться. Один раз она попыталась. Но в теле медведицы сидеть в тесной камере было еще тяжелее, потому что было совсем уж не повернуться. Пытаясь найти себе занятие и не сойти с ума от скуки, Медведица стояла на руках, висела на прутьях клетки, приседала и теребила тюфяк, сплетая солому из него в ломкие тонкие косички. Откуда у нее это умение? Она не знала. Просто пальцы вдруг сами вспомнили.

За ней пришли примерно через месяц. Вдруг отворилась дверь в подвал, спустились вниз два охранника и вывели ее из камеры. Медведица была им даже рада.

Пусть что-то происходит, пусть что-то меняется. Лишь бы не сидеть вот так больше в каменном мешке. Пусть будут драки. Пусть будут снова ссадины, синяки и кровоподтеки. Пусть болят снова после тренировок мышцы. Пусть снова будут заняты чем-то руки.

Ведь бои будут. Тот, кто купил ее, наверняка тоже станет выставлять ее в боях. Он был тогда на ее последнем бое в «Круге», видел ее и знает, кто она и что может. И, да! Пусть будут бои. Она готова. Она готова даже начать свой отсчет сначала. Кого там ей готовят в противники? Зверо-мышь, оборотней – да неважно. Ей вдруг в самом деле стало неважно. Она будет тренироваться усиленно. Она научится выигрывать у любого противника. Она снова наберет свою сотню. Хотя, вроде бы в нелюдских боях другой счетчик. Она слышала как-то от Тариэля, что там нужно зарабатывать баллы. И за победы над бойцами разных видов назначается разное количество баллов. Чем выше ранг бойца, тем больше дают баллов за победу. Она разберется в этой новой системе! Только покажите, куда идти, и дайте место для тренировок. Она зарабатывает для хозяина деньги и славу, а для себя – свободу.

А ее тем временем привели в очень странную комнату. Она находилась в пристройке дома. В комнате было тепло. Висел в воздухе белесый пар. В углу комнаты находилась огромная печь, выложенная сверху камнями. В печи трещали дрова. Вдоль стен стояли длинные деревянные скамьи. В больших бочках была налита вода. Висели на стенах железные тазы, щетки, ковши. Охранники отобрали у Медведицы затасканное в подземельях рубище и объяснили, откуда набирать воду и куда сливать. Ей вручили кусок мыла, мочалку, полотенце и чистую одежду. Затем охранники сели прямо на пол у двери и принялись ждать. Видимо, им дали приказ сторожить ее даже в моечной.

После мытья стало хорошо. Пахла чистой распаренной кожей. Отросшие волосы на ощупь казались шелковистыми. Непривычно. Новая одежда была простая, но удобная. А главное – чистая. Мужские штаны с тесемками на поясе и длинная туника с разрезами на боках.

После моечной ее привели на кухню и накормили. На тарелке лежал большой кусок вареного мяса, свежие хлебцы, фрукты и сыр. Так вкусно Медведица не ела со времен «Круга». Она опустошила тарелку с невероятной скоростью. Вонзала зубы в ароматное мягкое мясо, отрывая внушительные куски. Воздушный хлеб казался чудом после получерствых корок, которыми кормили в Крепости и потом здесь в подвале.

Когда с едой было покончено, стражники повели ее дальше вглубь дома. Хозяйская часть, догадалась Медведица. Здесь убранство было богаче, чем в задних частях дома, но все же менее ярко, чем была обстановка в комнатах Тариэля. Тут стояла мебель из темного дерева, обитая красивой тканью с серебристыми нитями. Медведица и ее конвоиры остановились у большой двустворчатой двери, украшенной резьбой.

– А, вот и ты! Рад видеть тебя в моем доме, – без тени теплоты во взгляде смотрели темные глаза сидящего за столом человека. На другой стороне сидел уже знакомый Медведице торговец и разделывал фрукты маленьким ножиком. – А в «Круге» ты казалась больше.

– Ничего, откормим, – махнул рукой торговец, отправляя в рот кусочек яблока.

Значит, этот человек тоже был в «Круге». Мужчина жестом указал Медведице на место за столом, где стояли приготовленные приборы. Охранники, до этого стоявшие за ее спиной

пихнули ее к столу. Незнакомец шелкнул пальцами, и слуга наполнил бокал Медведицы вином, а второй положил ей на тарелку половинку зажаренного цыпленка.

– Мы только что ее покормили... – подал голос один из охранников.

– Если ей прикажут, она поест еще дважды, – сверкнул глазами торговец. – Ешь, милая, поправляйся.

Медведице есть больше не хотелось, но и послушаться казалось сейчас неразумным. Она оторвала от цыпленка кусочек грудки и сунула в рот.

– Ешь смелее, – фыркнул торговец. – Травить тебя никто не собирается. Не для того потратили на тебя кучу денег.

Медведица жевала курицу и ждала. Раз уж вытащили ее сюда, за хозяйский стол, значит сейчас расскажут. Что они задумали? Для чего провернули все это? Чтоб заполучить себе бойца? Но ведь они не могли не думать, что ее ранг среди бойцов-нелюдей будет невысок. Хотят на этом выиграть денег? Не похоже, чтоб у этого... с колючим взглядом были проблемы с деньгами. Судя по дому-то. И как бы не восхищался ею Тариэль, он никогда не приглашал ее за свой стол. Сам приходил, да. И угощения приносил. Но чтоб вот так, за хозяйский стол... Что они задумали?

– Как ты видишь, наверное, я не слишком похож на того, кто увлекается боями, – сказал черноглазый. – Ты же понимаешь, что ты здесь не просто так, для развлечения. Мы видели твои бои. Ты далеко не дура. А мне как раз нужен такой человек. Я предлагаю тебе очень выгодную для тебя сделку. Ты должна будешь сделать кое-что для меня. Одно поручение. А взамен я дам тебе свободу.

Кровь ударила Медведице в голову. Свободу? Вот так? За одно дело? Видимо, очень важное дело для этого колючего. Ах, какое бы ни было. Свобода! Внутри у Медведицы все трепетало. Неужели правда. И не придется копить бои? И ждать еще десять лет тоже не придется! Вот он шанс! Ну, говори же, странный ты человек! Что сделать нужно!

– Вижу, тебе идея нравится, – усмехнулся незнакомец. – Сделаешь все, как нужно, и я отпущу тебя. Испортишь мне дело, убью. Или продам для травли. Я еще не решил. Я думаю, уговаривать тебя не придется?

Медведица кивнула. Ей все еще не верилось.

– Хорошо. Значит, теперь мы в некотором роде партнеры. Мне нужно, чтоб ты убила одного человека. Это подонок. Негодяй. И лучшей участи он не заслуживает.

– Кто он и где его найти?

– Мне нравится эта девчонка, – воскликнул торговец. – Сразу с места в бой!

– Есть в горах одно поселение. Живет там толпа варваров, которые чинят разбой и беспорядки. Похищают людей, забирают женщин из семей, уродуют их ради своей забавы, влезают им в мозг, заставляют забыть о своих родных. Деревня эта окружена щитом. А щит этот поддерживает один из их воинов. Вот именно его и нужно уничтожить! Не будет щита, мы сможем вызволить пленных из этого бандитского логова и уничтожить его.

– Справишься? – склонился в сторону Медведицы торговец.

– Конечно, она справится. У нее нет выбора, если только она не хочет пройти все пятьдесят боев или стать дичью для заправки охотничьих собак... Или не собак...

Незнакомец встал и представил себя и торговца.

– Я – Вегран. А это Мелифор – мой помощник. Он расскажет тебе детали. Мы начнем подготовку к походу. Выступим через три недели. А пока у тебя будет время, чтоб восстановить силы и потренироваться.

Вегран подал знак охранникам, и они вывели Медведицу из-за стола.

Комната оказалась светлой. Простая обстановка, серые каменные стены. Маленькая комната в крыле для слуг и солдат. Но зато есть окно! Окно!!! Хоть оно и выходит на забор,

зато небо в него видно! А когда с кухни не пахнет едой или ветер дует не со стороны скотного двора, можно почуять запах леса. Как же хорошо пахнет лес! Когда-нибудь она разберет этот аромат на его составляющие. Отследит каждый запах. Обнюхает, полижет, потрогает все, что ей понравится.

Шла вторая неделя с момента, как ее поселили здесь. Начались тренировки. Некоторые из солдат этого Веграна были людьми. Но в целом войско представляло собой смесь из воинов самых разных рас и видов.

По прикидкам Медведицы в доме насчитывалось около двухсот солдат. Повара и прислуга были людьми. Мужчины жили на втором этаже в комнатах по пять-шесть человек. Женщин было меньше, и жили они по двое – трое. Женские комнаты были меньше мужских и располагались на первом этаже рядом с кухней, кладовыми, прачечной и общей столовой.

Медведица делила комнату с одной из служанок. Девушку звали Радной. Пышная, шумная, болтливая девица с рыжими кудрявыми волосами и усыпанным веснушками лицом.

Соседка служанке сразу не понравилась. Чудаковатая какая-то. Пялится в окно все свободное время, разговаривать не хочет. Первые дни Радна по-добрососедски пыталась наладить контакт, но вскоре бросила попытки. Да и как с такой общаться? Смотрит, как дикий зверь, и молчит. И на тренировки ее забирают вместе с мужчинами. Поговаривают, что оборотень она. Как бы не сожрала ночью ненароком. А то, может, она пирожки Радкины не принимает потому, что человечье мяско ей больше по вкусу. Отхватит еще пол-ляжки. Ой, мамочки... И зачем только хозяин таких с людьми селит?

Но соседка есть Радну, видимо, не собиралась. Наоборот. Она исправно съедала свою порцию нормальной еды в столовой, вела себя отстраненно, но вполне мирно. Служанка успокоилась.

Медведица не знала, как себя вести. У нее никогда раньше не было соседки. Только в детстве в общем подвале с другими детьми-рабами. Но там никто не разговаривал друг с другом мирно. Все общение состояло из криков и драк. Тариэль с ней разговаривал. Но их общение сводилось только к обсуждениям тренировок и боевой подготовки. Радна, обрушившая на нее поток своих мыслей и простодушной болтовни, вводила в ступор. Но постепенно Медведица привыкала. Хотя общение с соседкой все еще было довольно односложным, но уже не вызывало шока. А Радна зажила привычной для нее жизнью. Закончив дела, она уходила на кухню пить чай с кухарками. Иногда она приносила чай к себе, и тогда в комнате пахло мятой и пирожками.

Наличие соседки не особенно смущало рыжую пышку. Мужчины появлялись в их комнате регулярно. И тогда Медведице приходилось слушать скрип Радкиной кровати или уходить на кухню. А на кухне всегда толкалась куча народу. Кто-то обязательно приставал с расспросами.

Каждый день встречи с Мелифором, который объяснял ей подробности ее задания. Каждый день тренировки. Первые дни солдаты откровенно смеялись и презирали ее. Но после первых тренировок насмешки прекратились. На нее по-прежнему смотрели косо, но шутить уже перестали. Эти солдаты признавали силу и мастерство. Даже если их демонстрирует женщина.

Днем дом напоминал гигантский муравейник. Хлопали двери. Сновали повсюду слуги и солдаты. Каждое утро все бойцы выходили на общее построение. Поляна перед домом превращалась в плац. В толпе было неуютно. Кроме нее, женщин среди солдат не было, и ее присутствие всегда заставляло мужчин настораживаться. Равно как и она, зажатая с двух сторон мужскими плечами, чувствовала себя плохо.

– Как тебе девчонка? – Вегран крутил между пальцами ножку кубка с вином.

– Ничего так, старается, – с набитым едой ртом ответил Мелифор. – Только дикая. Общаться ни с кем не хочет.

– Это хорошо. Меньше болтает, больше ценится.

– Я вот о чем думаю: ее бы поучить разбираться в ягодах и грибах. А то в лесу наестся чего-нибудь ядовитого, и сгинет наша миссия, так и не начавшись.

– Не надо. Нет времени. Выдвигаться надо скоро. Покажи ей просто то, что есть ни в коем случае нельзя. Долго в лесу она не пробудет, а ты ее проводишь. Поголодает пару дней, не помрет. Дашь ей сухарей с собой про запас. Пусть спрячет в лесу.

– А если она заблудится?

– Доведешь ее почти до самого щита. Ты же помнишь, что с перевала видно деревню. Мы смотрели через големов.

– Хорошо. А чтоб нас не обнаружили, я вышлю вперед двух оборотней, чтоб дорогу разведывали и отводили от троп Охотников.

– Правильно. Еще скажи ей, что охотника-хранителя щита нужно выманить из деревни и убить в лесах. Пусть его не сразу хватятся. Пусть поищут. А пока они будут в панике бегать и выяснять, куда делся их защитник, подойдем мы. Войско спрячем в дне пути от деревни. Выставим три группы дозорных.

– А может быть, научить ее путать свои следы? На всякий случай. Ведь когда она убьет охотника, она двинется навстречу нашему войску. Если их следопыты пойдут по следам этого охотника, они выйдут на нее, а значит и на нас.

– Мелифор, а это хорошая идея! Пусть попетляет по горам и по лесу. Пусть ее преследуют, а она уведет охотников подальше от того места, с которого будет подходить наше войско.

– Но она не сможет долго водить их за нос. Они быстро загонят ее.

– Плевать. После того, как она убьет охотника, она больше не будет нам нужна. Ее все равно придется убить, чтоб не выдала кому-нибудь положение деревни в горах. Если у нее получится задержать охотников хотя бы на несколько часов, нам это даст хорошее преимущество.

– Меня беспокоит, что она разговаривать не умеет. Косноязычна, как тролль. Поверят ли ей в деревне?

– А ей не нужно болтать. Ты легенду с ней выучи как следует и предупреди, чтоб думала, что говорит. Она дикая и нелюдимая. Ей поверят. Ей же даже придумывать ничего не надо. Говори себе правду. Только про нас чтоб не упоминала.

Она хорошо запомнила все наставления. Когда войско приблизится к месту размещения, Медведица с Мелифором и отрядом солдат двинутся дальше вперед. Войско из двухсот солдат разделится на отряды и спрячется в близлежащих оврагах и лесах. Она пойдет дальше к щиту, а сопровождающие останутся ждать ее в условленном месте. Ее задача – узнать, кто именно держит щит. Для этого ей нужно войти в контакт с жителями деревни. Она выманит Охотника за пределы щита и убьет.

И снова по кругу... «Это не говори, то говори... Вот так не делай... Нет, грибы в лесу не ешь. Никакие. Ягоды тоже. Ты в них не разбираешься. Научить? Нет, не буду... Правдоподобнее будешь выглядеть. Ты же всю жизнь прожила в рабстве арены, ты помнишь? Ты только месяц как на свободе. Куда идти – не знаешь. Где своих найти – тоже не знаешь. Кто свои – тоже не помнишь. Они тебя примут. Женщины им всегда нужны. Ха-ха! Что напряглась? Спать с ними не обязательно. Что тебе жрать? Рыбу лови... Захочешь есть – научись. Сухарей тебе дадим на всякий случай. Завтра знание легенды и плана проверять будет ОН сам. Смотри, ничего не перепутай. В твоих интересах».

Снова длинный коридор хозяйского крыла. Мелифор жужжал над ухом. Последние наставления. У хозяина оказалось занято. Через приоткрытую дверь слышался повышенный

женский голос и холодный спокойный мужской. Мелифор дернул Медведицу за рукав от двери, давая знак подождать.

– Ты правда пойдешь туда? Зачем? Все давно закончилось! – переживала женщина.

– Не закончилось. Все закончится, когда я решу.

Жестко, властно. По-собственнически. Эти нотки Медведица привыкла слышать в голосе Таризэля. Нотки хозяина.

– Ты не забыл ее, да? Но ведь три года прошло уже! Она ушла!

– Никто не может уйти от меня просто так.

– А как же я? Она для тебя важнее, чем я? – женский голос задрожал.

– Ну что ты, Карими, глупышка. Никто на свете не важнее тебя! – в голосе зазвучала снисходительность.

– Если я так важна, выполни мою просьбу! Не ходи туда, пожалуйста! – умоляла женщина.

– Я решаю, ты слушаешь. Это мои дела, – отрезал мужчина.

– Я твоя жена! А ты пренебрегаешь мной! Снова! Я не этого ждала!

– Ты хотела богатого мужа. Посмотри вокруг.

– Я ведь люблю тебя!

– И я несказанно этому рад. Иди к себе, Карими, – голос зазвенел сталью. – Истерики тебе не идут. Ты становишься некрасивой, когда злишься. А зачем мне некрасивая жена?

– Но...

– Иди, я сказал! – хлестнули слова.

Дверь открылась, и из кабинета стремительно вышла темноволосая женщина. Молодая, красивая. Одеты богато. Глаза повлажнели, губы дрожат. Плакать будет.

Мелифор старательно разглядывал узор на изящной вазе с тонким горлышком. Медведица переминалась с ноги на ногу. Где-то в районе желудка горячей волной разлилось чувство протеста. Это семья? Что жена, что рабыня. Отношение одинаковое. Разве что слова вежливые. А тон – железный. Интересно, а жен тоже секут плетьюми? Нет, семья – это не для нее. Чтобы вот так вот собственноручно отдать свою свободу кому-то... Зачем? Для чего? Ради денег? Богатства? Зачем женщины вообще выходят замуж? Чтоб детей родить? Так в «Круге» у служанок дети и без мужей рождались. Ради защиты? Так и хозяин своих рабов защищает и по-своему бережет. И вот эта женщина... Ведь красавица же. Волосы длинные, блестящие. Кожа гладкая. Руки тонкие. Чего в рабство подалась? Ведь хозяин сказал: сама пошла. Мелифор прервал ее размышления. Он толкнул дверь, и они вошли в кабинет.

Вегран остался доволен Медведицей. Готова. Выглядит правдоподобно. Ей поверят. Он бы поверил. А главное, она на все готова ради того, чтоб стать свободной. Сделает все, даже не задумается. Не усомнится. Вегран похвалил себя за идею.

После похода все пойдет по-другому. Вся его жизнь, наконец, станет похожа на ту, которую он себе представлял. Дом в старой деревне он продал. Отстроил этот. Отличное место. Недалеко проходят торговые пути, относительно близко стоят два крупных города. Но сам дом в уединении. Дела пошли в гору. Вегран наладил многие из прежних торговых связей, которые были потеряны, пока он гонялся за Найрани по свету. Из-за нее он лишился приличной части своего состояния, потерял перспективы. Мог бы возвыситься неимоверно высоко и быстро. А сейчас, как муравей, собирает по крупицам свое состояние.

Только вот жена не та, которая должна быть. Выходил с ней в свет. Красивая, но глупая. Пустая истеричная дура. Смотрит на него щенячьими глазами. До оскомины раздражает. Он женат уже почти два года, но жена все еще не понесла. Большая семья приносит почет и уважение в обществе. Наследник был бы Веграну очень кстати. Как бы она не оказалась бесплодной.

Но Карими из хорошей семьи, и ее отец имеет связи среди судей одного из городов. Именно он помог Веграну раздобыть медведицу.

Скоро они выйдут в поход. Остались считанные дни. И он, наконец, отомстит. Накажет Найрани за все. За то, что посмела уйти, за предательство, за унижение, за ранение, которое чуть не стоило ему жизни. А главное: за то, кем он стал, шагнув к черте смерти и вернувшись обратно. За новообретенные силы, которые ему не подчиняются и не проявляются должным образом.

Некромант-недоделка! Вот, кем он стал из-за Найрани и ее летуна! Не человек больше, но и не маг. Даже не полукровка. Те по рождению наследовали частично или полностью дар родителей. Иногда сильно разбавленный, но свой.

Некромантами рождались не все. Некоторые ими становились после. И для этого нужно было умереть, чтоб другой некромант мог обратить новичка. Некроманты обращали только детей. Мелифор рассказывал, что идеальный возраст для обращения – десять-двенадцать лет. И тогда дар пробуждается и крепнет вместе с взрослением, связывается с сущностью и подпитывается ею. Естественные изменения тела и разума помогают дару окрепнуть и проявиться.

Вегран опоздал с обращением на двадцать шесть лет. И Мелифор не знает, что делать с этим недоразвитым даром. А Вегран нервничает каждый раз, когда выходит в общество. Как бы не ожило какое-нибудь чучело на стене или дичь в тарелках у гостей. А они иногда оживали. И не просто оживали, а притягивались к своему создателю. Это настоящий кошмар. Они могли выдать сущность своего хозяина. А Вегран прекрасно знал, как в этом мире относятся к некромантам. Это был конец всего, что он задумал. Некромантов боятся, ненавидят, презирают. За грязную работу, грязную сущность. Никто не захочет торговать с некромантом. И никто не захочет видеть некроманта в управляющей верхушке города. Но многие богачи хотят иметь своего личного некроманта, чтоб клепал для них рабов, которых не надо кормить, и солдат, которых невозможно убить.

Мелифор помогал. Убирал и подчищал за Веграном магические следы. И Вегран чувствовал себя, как выживший из здоровья калека, который не в состоянии обиходить себя. И каждый раз кому-то приходится убирать за ним дерьмо. А Вегран не привык чувствовать себя беспомощным!

Он сделает все, чтоб уничтожить деревню в горах. Может быть, это и не поможет ему сладить со своей сущностью, но уж точно принесет удовлетворение. А когда он спляшет на костях этого желтоглазого и предательницы, он сделает все, чтоб жизнь его текла в точно задуманном русле.

Карими легла на кровать. Внутри все дрожало от волнения и ожидания. Старая повитуха засучила ей юбку, согнула ее ноги и раздвинула колени. Служанка тут же прикрыла оголившиеся бедра своей госпожи простыней. Карими напряглась. Захотелось сжать ноги. Неприятная процедура. Ужасная. Словно в самую сущность пихает старуха крючковатые пальцы. Но Карими терпела это почти каждый месяц. Казалось бы, за два года можно уже было привыкнуть, но процедура каждый раз оказывалась неприятной. И каждый раз после отрицательного заключения повитухи Карими чувствовала себя неполноценной. Как пустая колода, у которой уже выгнило нутро. Ее супругу нужен наследник. Повитуха осматривает ее, а потом идет к господину и докладывает, что его жена опять не справилась со своей главной задачей – подарить ему сына.

– Расслабь живот, – приказала повитуха. Карими выдохнула и попыталась не напрягаться, пока старуха тыкала пальцами ей в живот, вводя пальцы другой руки в лоно. Расслабиться вроде вышло, но горло мелко дрожало, а в груди разливалась тугая горечь. В уголках глаз снова собрались слезы.

Повитуха закончила осмотр и ополоснула руки в тазу.

– Ну что? – Карими затаила дыхание.

– Пусто, – отрезала старуха, и сердце Карими пропустило удар. Отчаяние хлынуло в душу, как дождевая вода в дом через прохудившуюся крышу. Оно потекло по стенам, оставляя мокрые разводы, забирая уют и красоту, рисуя влажные дорожки на щеках. Карими тихо утирала слезы. Старуха вытерла руки и подхватила свою котомку с инструментами.

– Помоги... – прошептала Карими.

– Что? – обернулась бабка.

– Помоги! Ведь должно же быть средство, чтоб зачать побыстрее! Трава какая-нибудь! Амулеты! Что-нибудь! – ведь должна же быть для нее, Карими, надежда.

– Я приготовлю тебе отвары. Будешь пить, как я скажу.

– Он уедет на месяцы, а меня оставит здесь! Зачем мне тогда твои отвары? – Карими быстро отерла от слез лицо и вскочила с кровати. Она сунула руку в прикроватную тумбу и вытащила увесистый кошелек с черно-серебряным вензелем.

– Уговори его взять меня с собой, а! Я буду пить отвары, но чтоб зачать, я должна быть при нем! Я тебя отблагодарю! – Карими вложила кошелек в старческие руки. Старуха взвесила его на ладони. Слегка брякнули в нем монеты. Старуха ссыпала монеты в свою сумку и отдала кошелек хозяйке: «Хорошо, госпожа».

Вот уже несколько дней в доме царило беспокойство. Слуги сновали, стаскивая к повозкам провизию, факелы, оружие, шкуры. Проверялась сбруя, кузнецы работали без передышек, подковывая лошадей. Мелифор отдавал нескончаемые распоряжения. Рядом с ним всегда находился молодой слуга, с важным видом отмечающий в расходной книге упаковываемые вещи. Радостная порхала по дому супруга хозяина, командуя своими служанками.

Медведица крутилась в общем ажиотаже, таскала тюки и помогала укладывать вещи в повозки. Стоявшая на улице жара не мешала ей абсолютно. Слуги жаловались на палящее солнце, солдаты стойко молчали, утирая блестящие от пота лица, а Медведица не обращала внимания на неудобства. Непривычно потела под отросшими волосами голова, кожа на лице загорела до почти орехового цвета. Пусть и на жаре, зато под открытым небом. А потом можно пойти к колодцу и напиться воды вволю.

Не терпелось. Скорей бы отправиться в путь! Она чувствовала в себе небывалый прилив сил. Она снова увидит лес! Отбытие намечалось на завтра. Утром солдаты наполнят свои фляжки свежей водой, сядут в седла, и войско двинется в путь. Войско поделили на несколько отрядов. Мелифор и хозяин опасались, что оно привлечет ненужное внимание, если будет двигаться по Долине целиком. Отряды выдвинутся разными дорогами с разницей в один-два дня. Маршрут всех групп был просчитан так, чтоб войско прибыло к горам почти в одно время. Медведица, хозяин и Мелифор должны выехать с первым отрядом.

Ночью накануне отъезда она не смогла заснуть долго. Она сидела на подоконнике, свесив ноги в ночь. Холодил голые пальцы ночной ветерок. В глубине комнаты, раскинув по подушке свои пухлые руки сопела Радна. От неубранной тарелки на тумбочке соседки пахло сладким печеным тестом и подкисшей на жаре сметаной. В открытое окно долетали шорохи и звуки еще не полностью уснувшего дома. Откуда-то из-за забора слышался стрекот каких-то ночных насекомых.

В мозгу Медведицы плавно сменяли друг друга такие привлекательные, такие умопомрачительные картинки. Скучные знания о лесе не мешали ей фантазировать. И она видела себя то стоящей по пояс в речной воде, то развалившейся на нагретом солнцем пригорке, то бегущей между деревьями. Завтра все это станет на один шаг ближе. Рассвет, приходи скорее!

Утро отъезда было ожидаемо суматошным. Поспавшая всего пару часов Медведица чувствовала себя удивительно бодрой. Последние сборы окончены. Воины верхом на лошадях

выстроились в длинную колонну по четверо и оживленно переговаривались. Ждали, когда выйдет хозяин. Он поедет в центре колонны впереди кареты своей жены. Во главе колонны уже восседал на высоком сером жеребце Мелифор. Место Медведицы было в середине процессии. Ее чалая лошадь терпеливо стояла, поджатая с двух сторон, спереди и сзади, оседланными товарищами с всадниками на спинах. Лошадь была спокойна, в отличие от Медведицы, у которой от нетерпения покрылась мурашками спина. Наконец в дверях дома показалась жена хозяина. Она пересекла двор в сопровождении повитухи и служанки и забралась в карету. Следом вышел и хозяин. Он взобрался на своего гнедого жеребца со светлой гривой. Мелифор махнул рукой и горнист заиграл какую-то бодренькую мелодию, возвещая начало пути. Отряд тронулся. Предстоял трехнедельный переход.

В конце второй недели пути пейзаж вокруг стал постепенно меняться. Лес поредел. Равнина отступала. Зеленые бархатные холмы становились все выше. А еще позднее горы встретили путников обилием быстрых переплетенных рек и речушек, скалистыми выступами, извилистыми ложбинами, обрывами. Деревья тоже изменились. Если на Равнине ели были пышные, лохматые и разлапистые, то горные ели напоминали свечки. Длинные и тонкие с острыми ершистыми макушками. Лиственные деревья существенно уменьшились в росте. Кустарники карабкались по крутым склонам, цепляясь корнями за почти голые камни.

Медведица смотрела по сторонам, жадно впитывая образы природы. Малейшие изменения, какая-то новая мелочь – все запоминалось. В груди росло ликование. Звериная сущность напряженно затихла в ожидании. Солдаты отряда, однако, восторга Медведицы не разделяли.

Идти стало труднее. Отряд перестроился в колонну по двое, а кое-где проходить приходилось по одному. Карета сильно замедляла путь. В некоторых местах приходилось разгружать ее и переносить через корни, упавшие стволы деревьев и овраги.

В Карете тряслась Карими. Ее радостное настроение от того, что муж взял ее с собой, развеялось. Она чувствовала, что муж недоволен. Он исправно приходил каждый вечер в ее карету. Карими добросовестно принимала все гадостные настойки и отвары, которыми пичкала ее повитуха. Карими надеялась, ждала. Заглядывала в темные глаза мужа, надеясь увидеть в них хоть малую частицу теплоты. Но ее не покидало ощущение, что он разговаривает с ней словно через стиснутые зубы. А Карими все больше поддавалась упадническим настроениям. Она надеялась, что совместная поездка сблизит их с мужем. Но она не имела никакого представления о военных походах.

Она боялась леса. По ночам не могла уснуть из-за лесных звуков и шорохов. Не знала, что стоянки такие короткие. Не знала, что ей придется сидеть в карете почти безвылазно. Незачем мозолить глаза солдатам. Чувствовала себя полной дурой, пятым колесом в телеге, бесполезным мешком, который и нести неудобно, и выбросить нельзя.

Не знала она и того, что все свободное время муж будет проводить со своим помощником и этой странной стриженной девкой. Карими безумно ревновала. Молча, стиснув зубы. Боялась, что разозлит мужа, и он отдалится окончательно. Разглядывала девку и пыталась разглядеть какой-то намек на интерес к ней со стороны мужа. Иной раз Карими казалось, что ничего особенного не происходит. А иногда казалось, что каждый жест и взгляд мужа наполнены желанием к этой тощей девчонке. Что в ней может нравиться? Волосы торчат во все стороны. Как посудный ерш, ей-богу... А фигура... Ноги, как у мужика. Жилистые. Груды почти нет. А живот? Неужели у женщин бывает такой живот? Такое ощущение, что он у нее каменный. Лицо симпатичное, правда. Если бы не жесткое выражение, то можно было бы сказать, что красивое. Вот бы сидеть вот так же у костра. Рядом с мужем. Чтобы ближе. Чтоб ловить его взгляды и чувствовать, что нужна. По-настоящему нужна.

Карими любила Веграна еще с детства. А он смотрел только на Найрани. Видел только Найрани. Сколько бы ни маячила Карими рядом с подругой, ничего не менялось. Время шло.

Девушки выросли, расцвели. За Карими бегали все парни деревни. А она смотрела только на него. На Веграна. Что заставило его выбрать полукровку-чужеземку вместо первой красавицы деревни? Карими не понимала. Злилась втихую, страдала и ждала. Надеялась, что случится чудо и что-то изменится. А когда Найрани пропала, Карими не знала, что думать. С одной стороны, она искренне переживала за подругу. Она не желала ей зла. Не хотела ей такой участи. Но с другой стороны: путь к сердцу любимого теперь был открыт. И какая-то часть ее радовалась. И от этого Карими чувствовала себя последней тварью.

Когда Вегран отправился на поиски невесты, Карими тоже металась. Она молила богов, чтоб Найрани была жива и здорова, но надеялась, что Вегран ее не найдет. А потом он вернулся и объявил, что помолвка расторгнута из-за бесчестья невесты. К тому времени из деревни пропал и отец Найрани. Наверное, он все знал и предпочел уехать до того, как все узнают про позор его дочери.

Карими успокоилась. Она все чаще «случайно» оказывалась рядом с Веграном. Она стремилась утешить. Желала всей душой. Однажды она сказала, что будь она невестой такого мужчины, никогда бы не променяла его на другого. Он тогда ничего не сказал. Только посмотрел на нее пристально.

Через неделю родители Карими скрепили ее помолвку с Веграном.

Она была счастлива. Нет, она летала, парила. Ей казалось, что ее туфли не касаются земли. Вот теперь все будет хорошо! Вот теперь все будет правильно!

После свадьбы муж продал дом в деревне, и они переехали на новое место. Карими ждала мужа, как собачка. Доверчиво, радостно. Вглядывалась в лицо, ловила взгляды. И млела. Это ничего, что он не захотел жить с ней в одной комнате. Во многих богатых семьях принято жить раздельно. Ничего, что муж редко приходит к ней и часто ужинает один или с Мелифором. Муж занятой человек. У него много дел. Она будет ждать. И он придет обязательно. Не сегодня, так завтра. Главное – вести себя скромнее. И руки держать под контролем. Ведь мужу не нравится, когда его слишком часто трогают. Она хорошо усвоила правила проживания. Не перечила, подчинялась во всем. Ловила каждое его слово. Не мозолила глаза, не вмешивалась в его дела, не лезла с объятиями. Карими старалась быть такой женой, какой он хотел ее видеть. Не хватало только наследника. Не выдержала она один единственный раз. Когда узнала, что он собирается идти искать Найрани. Напросилась с ним в поездку, надеясь, что хоть что-то сможет сделать. Быть рядом. Не упустить.

А еще через два дня отряду пришлось бросить карету, спрятав ее в овраге. И тогда путешествие для Карими превратилось в настоящий ад. Ей пришлось ехать верхом и ночевать под открытым небом на шерстяном одеяле.

Наконец, остался позади отряд. Медведица, Мелифор и еще четверо солдат ехали дальше, осторожно продвигаясь по горному лесу. А к утру следующего дня пришла пора и им разделиться. Они еще раз оговорили последние детали, назначили места для будущей встречи, и солдаты рассеялись в лесу. Медведица спешила и сняла притороченный к седлу мешок с сухарями. Мелифор забрал поводья ее лошади, бросил короткое: «Удачи!» – и развернул коня.

Медведица осталась одна.

Когда силуэт Мелифора скрылся за деревьями, она бросила на землю свой мешок. Сделала шаг, второй. Побежала, на ходу срывая с себя одежду. Измученная ожиданием медведица вырвалась. Как расшалившийся медвежонок, она каталась по земле, бегала, встряхивалась, обнимала лапами стволы деревьев, терлась мордой о пни, зарывалась носом в листву, ловила насекомых, напугала пару бурундуков. В общем – веселилась. А потом, вернувшись в человеческий облик, валялась на солнышке, уставшая и абсолютно счастливая. Ощущала голой спиной земную влагу, мелкие камешки и колючие травинки.

Послеобеденное солнышко припекало грудь. В волосах застряли листья и комочки земли. Медведица подняла голые ноги и вытянула их пятками в небо. Стопы темным силуэтом выделялись на фоне звеняще-синего неба. Пошевелила пальцами и засмеялась. Раскинула ноги и руки в форме звезды. Она закрыла глаза, и звуки вокруг обрели для нее необычайную яркость. Мелодия леса разложилась на составляющие. И если сосредоточиться на одном звуке, то вся музыка обретала новое звучание. Это не те песенки, которыми веселили гостей в «Круге» заезжие музыканты. Это нечто несоизмеримо лучшее. Прекрасное. Чистое. Родное. И сейчас на первом плане яркую и задорную мелодию наигрывал где-то недалеко ручей. Медведица встрепенулась, вскочила на ноги и побежала на звук журчащей воды.

Наплескавшись в воде до дрожи в лапах, она обсыхала на берегу. Размазывала ладонями влагу по животу и наслаждалась. Наслаждалась, пока не наткнулась пальцами на рубец клейма на боку. Это отрезвило. Вернуло в реальность. И осознание этого придавило, приشلепнуло, словно мухобойкой зарвавшуюся муху.

Медведица отыскала свою одежду и напялила ее на еще влажное тело. Часть сухарей из ее мешка вытащили все те же бурундуки. Она собрала разбросанный по земле хлеб обратно и двинулась в направлении щита.

Горная деревня Ару-Кечи

На камне возле реки сидела девушка. Юное личико обрамляли волнистые выгоревшие пряди, выбившиеся из плотной рыже-каштановой косы. Теплый камень приятно грел босые ступни. Яра окунала в реку свой легкий шарфик и наблюдала, как вода тут же начинает тянуть его за собой. Шарфик плыл на месте, виляя пестрым хвостиком.

Девушка искоса поглядывала за реку. Там на поляне виднелись две фигуры: мужская и женская. Они сидели на земле напротив друг друга. Каждый день они садятся там и проверяют щит, которым укрыта деревня. Они – держатели щита. Особые люди в деревне. От них зависит безопасность и спокойная жизнь всех жителей Ару-Кечи.

Раньше щит держал только мужчина. А три года назад появилась в деревне Найрани. Она стала хорошей помощницей держателю щита и хорошей женой брату Яры. Многие жители деревни обладали магическими способностями. Вот эти двое соткали своей энергией уникальный щит. Яра могла его чувствовать. Но создать что-то подобной мощи – это было для нее за пределами. Она не чувствовала в себе никаких особых способностей. И от этого немного завидовала. По-доброму.

Найрани она полюбила как сестру. А вот мужчина... Микан. Он был особенный. Яра расстроено вздохнула. Сидеть бы вот так же напротив него и делать одно с ним дело. Важное дело. Как замечательно, наверное, ощущать себя настолько полезной. Всего двое в деревне могут создавать такие мощные щиты. Ее брат тоже может, но его щит совсем небольшой и способен укрыть только его самого. Яре и это не под силу. Она может чувствовать потоки энергии, но она не различает разные ее виды. Только то, насколько мощный поток. Это ничто.

Украдкой она бросила взгляд на мужской силуэт. Сегодня ему не до нее. Яра отжала платок и спрыгнула с камня. Решила навестить дядюшку Кириана и тетю Улу. Раз уж Микан занят, то она утешится сахарными булочками.

Мужчина на поляне встрепенулся. Он открыл глаза и посмотрел на сидящую напротив молодую женщину.

- Ты почувствовала это?
- Да. Кто-то коснулся щита, – женщина потеряла свои руки, снимая напряжение.
- Сильная энергетика.
- Возможно случайно наткнулся.

– Странное ощущение. Вроде зверь, а вроде и нет.

– Может, просто новый лось пришел или другой крупный зверь. Может, просто таких тут раньше не водилось.

– По ощущениям вроде на медведя похоже, – Микан снова мысленно посмотрел на поле щита. Незнакомец ткнулся в щит снова. Касание было плотным и сильным. Словно кто-то уперся в щит на полном ходу.

– Но ведь щит настроен так, чтоб пропускать животных. Почему в нем увяз этот медведь?

– Я не знаю, – пожал плечами охотник. Он встал с земли и отряхнул свои штаны. – Значит, чем-то это животное отличается от своих собратьев. Надо разведать.

Найрани тоже ощущала вибрацию энергетического полотна щита. Кто-то ломился в щит, распуская по нему волны своей энергетики.

– Не ходи один. Вдруг это животное опасно. Или их там много.

– Не пойду. Знаешь, приятно, когда кто-то за меня волнуется, – мужчина улыбнулся.

– Ты же мой друг! Конечно, я волнуюсь. А знаешь, я тоже пойду с вами, – Найрани вскочила с земли и принялась разминать затекшие от долгого сидения ноги.

– Ну уж нет! Айгир мне голову снесет, если узнает, что я позволил его драгоценной жене рисковать.

– Он знает, что я могу за себя постоять, – Найрани вскинула голову.

– Знает. Но он все равно волнуется за тебя. Оставь это нам. Присмотри за щитом изнутри.

– Хорошо.

Спорить она не стала. Они вместе с Миканом дошли до деревни. Спустя считанные минуты отряд из шести Охотников двинулся из деревни к горному перевалу.

Медведица сидела в тайнике.

Пока Охотники шли из деревни до щита, она успела отойти от щита и запутать след. Она прошла некоторое расстояние по дну ручья в облике медведя, а затем перевоплотилась и на берег вышла уже человеком. Затем она сделала крюк и вернулась к щиту. Спряталась в заранее подготовленном укрытии в кустах.

Мелифор предупреждал ее, что эти охотники совсем не просты. Она и не посмела надеяться, что держатель щита настолько глуп, чтоб прийти в одиночку. Но и увидеть пятерых Охотников верхом на огромных ящерах она не ожидала.

Охотник, ехавший первым был явно рослым. Коренастый трехрогий ящер с мощным коротким телом и увесистым шипастым хвостом держал голову низко, пытаясь уловить след. Темные длинные волосы Охотника были схвачены на затылке шнурком.

На арене длинные волосы – лишняя помеха. Риск, что соперник поймает за них был очень велик. Поэтому все бойцы стриглись очень коротко. Мужчины часто сбрасывали волосы полностью. В армии Веграна все мужчины тоже были коротко стриженные. А эти все были длинноволосые. Самые короткие волосы были у последнего Охотника. Светло – серебристой гривой они спадали почти до плеч. Напоминали волосы эльфов. Но на этом сходство с эльфами заканчивалось. Крепкие жилистые руки, державшие поводья ящера были напрочь лишены эльфийского изящества.

Средние три Охотника вообще ввели ее в замешательство. Медведица никогда раньше не видела близнецов. А этих сразу трое. Одеты по-разному, а лица одинаковые. Абсолютно. Как будто они – отражения друг друга. И ящеры у них очень похожи. Длиннотелые, узкомордые и явно проворные, судя по движениям.

Медведица разглядывала ящеров и их всадников с возрастающим восхищением. Вот это звери!!! Мелифор, конечно, рассказал ей, что знал об этих охотниках, но туманные истории мага не шли ни в какое сравнение с действительностью.

Они поймают ее в два счета! Сомнений у Медведицы в этом уже не было. Ящеры взяли след очень быстро. Эти ребята точно знают, что делать.

Как только группа всадников скрылась в чаще леса, Медведица выбралась из своей норы и побежала вдоль щита. Странно, она чувствовала его даже не касаясь. Воздух вокруг него словно сплотился от напряжения.

Она петляла в чаще, сворачивала, наступала в свои же следы, залезала на деревья. Затем она обратилась в медведя и припустила в чашу.

Солнце скрылось за вершинами гор. Медведица заходила на очередную петлю, обдумывая свои следующие действия. Все в целом шло вроде бы неплохо. Она бегала и пряталась уже несколько часов, время от времени утыкаясь в щит. Нужно было, чтоб охотники знали, что их дичь еще тут. Сил существенно поубавилось.

Она помнила про план. Намерения уйти от погони у нее не было. Она должна поддаться. Но это не должно выглядеть слишком легко. Она остановилась у ручья напиться и перевести дух. Жадно припала к воде. Ненадолго сунула морду в ручей. Холодная вода приятно освежала разгоряченную погоней голову. Страхнув капли, Медведица побежала дальше. Теперь нужно снова выйти к щиту. Она не сделала и двадцати шагов, как от ощущения опасности поднялась шерсть на холке. Медведица оглянулась, но не увидела ничего странного.

Айгир заметил движение в прогалине между деревьями у ручья. Описал полукруг над чащей. Точно. Медведь. Большой зверь. Крупнее других в этих местах. Горные медведи этой местности бурые. А этот черный с белой полосой на груди. Это, что ли, их таинственный чужак? Хитрый зверь. Вон сколько времени уже следы путает. Бежит, оглядывается.

Айгир следовал за медведем, наблюдая с высоты. Зверь двигался между деревьями, а там достать его нет шансов. Ящер застрянет в ветвях. А на своих двоих медведя не догнать. Хорошо еще, что летучего ящера еще не заметили. А нет, уже заметили. Медведь поднял голову и посмотрел на преследующего с воздуха охотника. Преимущество внезапной атаки сверху потеряно. Незванный гость ускорился. Преследователи близко. Айгир с высоты уже видел группу среди деревьев.

Охотничий азарт бурлил в крови жидким огнем. Снизившись, ящер летел на бреющем полете над самыми верхушками деревьев. Улучив момент, когда убегающий зверь показался в просвете между деревьев, охотник метнулся вниз. Когти вцепились медведю в бок. Зверь взревел от боли. Ящер вытащил извивающегося хищника на прогалину. Плененное животное сдаваться не собиралось. Оно извернулось. Раскрылась большая пасть и длинные медвежьи клыки сомкнулись на лапе ящера.

Боль прострелила сознание всадника. Поскольку ящер был продолжением сущности охотника, Айгир чувствовал его боль, как собственную. Ящер рефлекторно выпустил добычу. Медведь, кубарем прокатившийся по земле, вскочил на лапы почти мгновенно и обернулся к нападавшему.

Айгир нападал с неба. Стремился схватить изворачивающегося зверя. Противник был быстр и ловок, несмотря на крупные размеры. Пару раз загнутые медвежьи когти мелькали прямо возле морды ящера. Изловчиться бы и прижать медведя к земле. Кожистые желтоватые крылья рассекали воздух над головой черного зверя.

Медведь оступился и припал на одну лапу. Айгир тут же метнулся вниз. Доля секунды. «Поймал!» – мелькнуло в голове охотника. И в следующий миг челюсти черного медведя вонзились в крыло ящера возле плечевого сустава. Ящера сдернули с полета. От рывка всадник слетел со спины животного. Голова Айгира встретилась с землей. Зашумело в ушах. Охотник силился не потерять сознание. Тряхнул головой, поднялся на колени.

Ящер бился на земле под медвежьими лапами. Прижимая голову рептилии к земле, Медведица пыталась добраться до его горла. Ящер извивался, подставляя спину. Клыки впустую скребли по толстым спинным щиткам. Лишить всадника ящера – значит лишить его преимущества. Она ухватила зубами за крыло, пытаясь выдернуть плечо из сустава или порвать кожистую перепонку крыла, как вдруг ящер исчез. Рассыпался на золотистые искры и растворился в воздухе. Растаял. Словно и не было его. От неожиданности, лишившись опоры в виде чешуйчатой спины, она рухнула вперед. И тут же вскочила на лапы, озираясь в удивлении.

– Что, упустил добычу? Это не твоя игрушка, – усмехнулся Айгир, переводя дыхание. В руках охотника сверкнул длинный нож. Ящер материализовался позади Медведицы. Она крутила головой и стремилась сменить невыгодную позицию между врагами на более удобную для себя. Айгир удивленно наблюдал маневры медведя. Многие звери в лесу умеют путать следы. Но этот медведь демонстрировал навык воина, обученного драться против нескольких соперников. Кроме того, несколько мгновений назад зверь обхитрил Айгира простейшей уловкой. Необычное животное.

Медведица увлеклась. Надо было сдать раньше. Подчиниться этому крылатому. Но она не смогла заставить себя. Если бы она убила одного из них, это могло бы подставить под риск весь план. Что выиграло? Инстинкт? В конце концов, правильно сдаваться ее никогда не учили. Убивать, хитрить в бою, идти до конца – это да. Этому сама жизнь научила. На арене она всегда четко держала линию боя, решая, когда именно и как его закончить. А сейчас – не вышло.

Она не была уверена, что они не убьют ее сразу. Но надеялась, что они захотят узнать о пришельце побольше. Это был шаг в неизвестность.

Один за другим выступали из чащи остальные охотники, замыкая кольцо вокруг нее. Она стояла в центре круга. Болел израненный когтями ящера бок. Кровь сочилась из ран, подсыхая и слепя шерсть. Если они решат убить ее, она и сейчас без драки не сдастся. Интересно, скольких из них она сможет прикончить, пока они не достанут ее? Интересно, кто из этих охотников – держатель щита? А может, его вообще нет среди них. Может, он остался там, в безопасной зоне. Вряд ли захотят охотники рисковать своим защитником.

Она озиралась по кругу, осматривалась, бегло выхватывая детали из общей картинки. Кожаная сбруя ящеров, ножи на поясах, колчаны со стрелами за спинами, одинаковые до невероятия лица троих охотников, внимательная настороженность светловолосого эльфоподобного, готовность броситься этого крылатого...

Оглядывалась, пока не встретила взглядом с охотником верхом на рогатом ящере. Тяжелый и внимательный, словно смотрящий внутрь взгляд. Изучающий, прощупывающий. Они смотрели друг другу в глаза. Она – в такие же, как у ящера, желтые с золотыми прожилками, он в черные, медвежьи.

– Не дергайся. Ты понимаешь, я вижу. Кто ты?

Медведица помедлила. Пусть не думает, что она охотно сдастся.

– Открой себя, если хочешь жить!

Она выдохнула и отпустила медведицу. Преобразилась, глядя в желтые глаза напротив. Тронула раны на боку и огляделась.

На лицах охотников застыло изумление. Что, удивлены, мальчишки?

Охотники оторопело разглядывали женщину. Голая, перепачканная кровью и грязью, худая, смуглокожая. Черные, как угольки, глаза обводили жестким взглядом группу мужчин.

– Девчонка! – выдохнул один из близнецов.

– Вот так дела... – пробормотал второй.

– Кто ты? – спросил наездник трехрогого ящера – Микан. – Как тебя зовут?

– Никак! – посмотрела ему в глаза Медведица.

– Так не бывает! – сказал недоэльф, как его мысленно прозвала Медведица.

– У нас бывает...

- У кого это – «у нас»? – переспросил крылатый.
- У бойцов арены.
- Ты рабыня?
- Уже нет. Мой контракт выполнен.
- Но ведь как-то тебя там называли?
- Называли. Сучкой, тварью, девкой...
- Ты зачем пришла сюда? – прервал Микан ее перечисление.
- Жить здесь хочу!
- Где «здесь»?
- В горах. Я с равнины пришла.
- А в щит зачем ломилась?
- Да откуда ж я знала? Я шла и уткнулась во что-то. Вроде стены нет, а не пускает дальше.

Ну я ткнулась еще несколько раз и отошла...

- А зачем следы путала?
- Я в кустах лежала отдыхала. Смотрю, вы выходите оттуда, куда я пройти не смогла. А я же не дура с вами всеми связываться. Вот и побежала. Вы себя со стороны видели?
- Уходи отсюда, – сказал один из близнецов, и братья расступились, открывая ей проход. – Иди на восток. Там есть озера. В них много рыбы. Постоять за себя ты можешь, мы видели. Так что, удачи тебе.
- А вы тут живете? Возьмите меня с собой!
- Нет, – отрезал Микан. Группа двинулась к щиту. Медведица потащила в десятке шагов позади них.
- Возьмите меня с собой!
- Иди отсюда, – в последний раз обернулся на нее Айгир, и вся группа ступила за щит.

Она топталась у края щита, глядя в спины удаляющимся охотникам. Она окрикнула их еще дважды. Из группы охотников обернулся на ее зов только крылатый. Он ехидно улыбнулся и помахал ей рукой.

Хотелось зарычать от досады. Где она сплеховала? Знать бы. Было бы у нее больше сведений об этих охотниках, она бы действовала точнее. А тут буквально наугад. Такое важное для нее задание и так бездарно провалилось.

Хозяин сказал, что они легко примут ее, так как женщин у них всегда не хватает. Видимо, не настолько обделены они женским вниманием. И вообще, она ожидала увидеть более диких людей, чем эти шестеро охотников. А эти хорошо выглядят. Хорошая одежда, хоть и простая, лица другие. Они неуловимо отличались от всех тех людей, которых она встретила с момента выхода из «Круга». Медведица еще не осознала, чем именно. Ведь и драться обучены и оружием владеть, но солдаты хозяина Веграна в сравнении с ними выглядят не такими...

У нее не получалось пока подобрать сравнение. Но эти охотники казались тихими и сильными. И потому были опаснее, чем воины хозяина. Те напоминали больше свору собак с псарни. Гавкают, скалятся и грызутся между собой за место в стае. Хотя сила своры в ее размере. А свора у хозяина Веграна очень большая. Такие сообща загрызут. Надо только выкурить этих охотников за пределы их щита.

Ну что ж, ее миссия еще не провалена. Она придумает что-нибудь. Непременно придумает. Если потребует, будет ломиться в щит сутками напролет.

Когда охотники окончательно скрылись за перевалом, она отправилась на поиски ближайшего ручья. Хорошо, что в лесу в горах их много. Холодная вода смывала с усталого тела кровь и грязь, забирая одновременно тепло. Солнце зашло за горы, и начали стремительно сгущаться сумерки. Вместе с ними пополз по ложбинам слоистый туман. Он закручивался вокруг стволов деревьев и цеплялся за кроны. Вместе с туманом воздух наполнился влагой.

После многочасовой гонки хотелось есть. Восстановить бы силы. Но до ее тайника с сухарями несколько часов ходу. Медведица вылезла из ручья и отряхнулась. Раны на боку еще сочились кровью. Гольшом в лесу после купания было холодно. Лучше обратиться в зверя. Хоть шкура греть будет. Она пошла вдоль щита обратно к тому месту, где впервые коснулась щита.

Желудок ныл от голода все сильнее. Она вернулась к тайнику на рассвете. Обшарила кусты, в которых спрятала мешок с сухарями и ничего не нашла. Не было ни хлеба, ни мешка. Только следы небольших лапок на земле и мускусный запах какого-то зверька.

Да уж... В лесу каждый выживает как может. Прозевала свою еду, сама виновата. «Приятного аппетита», – пожелала она иронично воришке хлеба. Раны на боку закрылись и больше не болели так сильно. К вечеру уже почти заживут. Есть хотелось сильнее, чем спать, и Медведица снова двинулась в чашу.

Она провела стоя по грудь в ручье еще несколько часов. Ей удалось поймать зубами две мелкие длиннотелые рыбешки. Проглотила и не заметила. К полудню она окончательно выдохлась и замерзла.

Она шла к своему разоренному тайнику в кустах, чтоб немного поспать и набраться сил, когда набрела на прогалинку в лесу. Небольшой пригорок был усеян низкорослыми кустиками. Сквозь резные листики виднелись круглые светло-желтые ягодки. Много. По две-три на одной кисточке. Сквозь полупрозрачную кожицу просвечивали темные семена.

Медведица съела несколько ягодок. Ее предупреждали, чтоб не ела грибы. Многие грибы ядовиты. Но про ягоды речи не было. Но если есть ядовитые грибы, почему не может быть ядовитых ягод. Она решила, что попробует чуть-чуть. И подождет. Риск, конечно, но уж лучше рискнуть, чем явиться в лагерь хозяина Веграна и признаться, что потеряла свое пропитание, время на дорогу и провалила задание.

Она ждала довольно долго, но ничего особенного не происходило. Ничего не болело. Только немного бурлило в животе. От голода, видимо.

И тогда она наелась ягод. Столько, сколько смогла найти. Она обобрала почти всю поляну. Желудок приятно наполнился, и счастливая Медведица улеглась на пригорке погреться на солнышке и передохнуть. Сначала ей очень хотелось спать. Но вскоре сонливость пропала.

Ей стало хорошо. Тело расслабилось, стало казаться невероятно легким. Солнце щеколало лучами лицо, забираясь сквозь прикрытые веки. Медведице вдруг захотелось смеяться. Голова словно наполнилась радужными блестящими пузырьками. Девушка приоткрыла глаза. Мир вокруг словно стал ярче. Он почему-то покачивался и слегка вращался вокруг нее. В ушах немного шумело. Ее накрыло волной безудержного веселья.

Она вскочила на ноги, стала прыгать по поляне. Она кувыркалась в траве. Голова стала пустой и легкой. Испарились мысли. Осталась только радость. Волны восторга накатывали одна за одной. Даже дыхание перехватывало. Медведица сначала хихикала. Потом рассматривала собственные руки и смеялась. До икоты.

Постепенно приступы радости стихали. И на смену веселью пришла сначала апатия, которая переродилась в печаль, а затем переросла в страх. Так страшно ей было только в детстве, когда ее маленьким медвежонком поймали работоторговцы.

Одно за одним приходили видения прошлого. Скорбные, страшные. Ночь, крики. Свет факелов, отражающийся от стволов деревьев. Мамины руки, прижимавшие к себе ее – маленькую девочку. Крики отца, выталкивающего их из окна дома. «Бегите! Прячьтесь!» Папа остался. Папа растворился в свете факелов.

А потом бег. Лес, чаша. Ветки, хлещущие по лицу. Собственное хриплое дыхание. Мамина поступь рядом. И мамин страх. Такой осязаемый.

Медведица металась по лесу, потеряв ощущение времени и пространства. Ей мерещились руки, тянущиеся к ней отовсюду. Хватающие, рвущие на ней волосы и одежду. Клетки, огонь, оскаленные мордашки других детей-рабов. Драки, кровь. Вновь восставали вокруг и оживали убитые ею в боях соперники. «Мошеница! Нечестно! Слабачка! Ничтожество!» И она снова дралась. С каждым из них по отдельности и со всеми разом. А они вставали снова и снова.

Наконец кошмары стали отступать. Медведица вдруг осознала себя лежащей на траве. Горели многочисленные ссадины и царапины на руках и ногах. Болели обломанные ногти. Тело обессилело. А вокруг густая ночь.

Руки и ноги отказывались подчиняться. С трудом Медведица поднялась на четвереньки и заползла в ближайшие кусты. Свернулась клубком. Нужно поспать. Нужен отдых. Но, несмотря на усталость, ум отдохнуть отказывался, прокручивая в памяти недавние видения. Словно чудовищная мозаика складывалась перед глазами. Заснула она только на рассвете.

Голова болела. Не сильно. Просто неприятно. Словно груда камней перекатывалась в мозгу, брякая и гремя.

Что же за ягоды такие?! Нет сомнения, это из-за них она спятила. Да лучше сдохнуть с голоду, чем еще раз испытать такое. Медведица все помнила. Что бы ни содержалось в этих ягодах, они вытряхнули наружу ее душу. Обнажили все: страхи, боль, омерзение. Она научилась закрывать все это глубоко в себе. Научилась жить с этим. Словно со временем образовалась защитная корка на этих ранах. Стало не больно. Стало терпимо. Стало не страшно. В голове был какой-то план. Была цель, которая помогала держать себя, не опускать руки.

Одна ночь, пара горстей каких-то ягодок и корка содрана. И снова больно двигаться. Снова сочатся прошлые душевные раны воспоминаниями, образами, болью.

Нет. Не вернется она туда больше. Не будет больше боев. Нет пути назад. Приложит все силы. Испробует все, но достанет из-за щита этих охотников. Выполнит свою часть сделки. Завоюет свою свободу. Или сдохнет. Все лучше, чем снова арена.

Медведица вылезла из своего укрытия и пошла к щиту. Держатель чувствует прикосновения к щиту. Что ж, она не позволит ему забыть о своем присутствии. Она развлекалась с полем щита, как могла. Пихала в него лапы и руки. Терлась об него, тыкалась носом. Ненадолго уходила и возвращалась к щиту. Снова трогала щит. Бросала в него камешки, кору, листочки. Тыкала ветками.

Несколько дней она провела возле щита, иногда уходя, чтоб найти свое скудное пропитание. Она научилась ловить рыбок. Приходилось подолгу стоять в воде. Рыбки были мелкие, и ловить приходилось долго, чтоб хоть немного насытиться.

Однажды ей повезло найти в расщелине под скалой полусъеденную оленью тушу. Медведица разорила чужую заначку без зазрения совести. На костях еще оставалось немного мяса. Она усвоила урок гор: плохо спрятал – сам виноват. Обглодав кости, она прихватила с собой олений рогатый череп. Его она тоже сунула в щит. Интересно, а мертвых этот держатель тоже чувствует?

На третий день прилетел охотник на крылатом ящере. Покружил над ней. Крикнул, чтоб она убиралась от щита. Медведица оскалилась: «А ты спустишь вниз и попробуй меня прогнать».

Значит, чувствует. Значит, не нравится. И медведица утроила усилия.

Еще через день пожаловал другой визитер. Медведица лежала возле щита, когда ветер донес до нее его запах с другой стороны щита. Мощные лапы ящера ступали по земле удивительно легко. Слегка покачивалась в такт шагам массивная трехрогая голова. В небе снова кружил этот крылатый. Медведица усмехнулась: мальчишки по одному не ходят?

Ящер остановился в нескольких шагах по ту сторону щита. Со спины рептилии легко прыгнул темноволосый охотник. Один из тех, кто был тогда в группе. Медведица не могла его не узнать. Из оружия только небольшой топор, пристегнутый к бедру. И нож за голенищем сапога. Хороший он, видимо, боец. Высокий, ладно сложен. Крупные развитые мышцы угадываются под рубахой. Двигается ловко, но спокойно. Уверен в себе, но без бравады. Без бахвальства. Ей это нравилось. Бой с ним был бы не из легких.

Крылатый тоже был сильным соперником. Ей тогда туго пришлось в драке с ним. Но в сравнении с этим охотником, крылатый казался более импульсивным и более предсказуемым. Ее внимательно изучали сейчас желтые глаза. Без злобы, без вызова.

– Зачем ты трогаешь щит? – спросил охотник.

– Я не знаю, как по-другому позвать вас.

– Зачем?

– Что мне сделать, чтоб меня приняли к вам?

– Почему ты хочешь к нам?

– Я одна, а выживать проще с кем-то вместе.

– Ты же вроде медведь. А медведи одиночки.

– Но я еще и человек.

– Что ты о нас знаешь?

– Я видела вас один раз... Это все.

Охотник рассматривал ее лицо. Наверное, пытался понять, насколько ей можно верить.

– Слушай, вы вроде боевые ребята. Я тоже могу вам пригодиться. Я охотиться не умею, но я быстро научусь, если покажете. Обузой не буду.

Незнакомец молчал. Спокойно опущены вдоль тела крупные руки. Он сейчас уйдет. Медведица чувствовала это его намерение, несмотря на то, что он не двигался. Он не верит. Не срабатывает! Что-то у нее в животе болезненно сжалось. Охотник сделал полшага назад. Еще мгновение, и он отвернется от нее.

– Я больше не могу! – вдруг сорвалось с ее губ. Во взгляде охотника промелькнуло что-то. Он остановился. А Медведица вдруг успокоилась. Слова родились вдруг сами собой. – Я устала от людей. Они хотят крови. Они хотят убийств. Я всю жизнь просидела в клетке на потеху им. Я не могу так больше. Я жить хочу. Только не знаю, как это делается...

Что-то неуловимо изменилось. Она сказала правду. Свою настоящую правду. Желто-оранжевые глаза теперь смотрели немного иначе. Нет, в них не прибавилось радушия. Но все же ей казалось, что и отчуждения стало меньше. Охотник взобрался на спину своего ящера.

– Мы подумаем, – сказал напоследок мужчина. – Будь поблизости через пару дней.

Медведица радовалась. Это шанс. У нее появился шанс! Он сказал, что они подумают. Она на полшага ближе к цели. Лишь бы они разрешили ей войти! Может, разрешат. Должно же ей, наконец, повезти! Она просидела у щита весь вечер и ночь. Ожидание выматывало.

На рассвете она не выдержала. Вскочила. Охотник сказал: «Через пару дней». Сегодня еще рано, ее еще не хватятся. Нужно занять себя чем-то, иначе можно спятить от волнения. Неплохо было бы найти еду.

Она бродила по склонам, обдумывая свои дальнейшие действия. Строила предположения. Если ее впустят, как ей узнать, кто же держатель щита? Надо будет вникать в их жизнь. Нужно, чтоб ее сочли своей. И тогда она сможет спрашивать. Будет собирать информацию. А если не пустят, тогда что? Это будет провалом. Как тогда быть? Караулить каждого вышедшего за пределы щита охотника? Но щит покрывает огромную территорию. Одной медведицы будет мало, чтоб патрулировать так много. Уйдет бесчисленное количество времени. Хозяин Вегран будет недоволен. Медведица почесала клеймо. Проклятая метка! Она бы выгрызла ее из своего тела, если бы была уверена, что действие метки на этом закончится.

Два дня тянулись нескончаемо долго. Когда, наконец, показался силуэт охотника на рогатом звере на склоне горы, Медведица готова была прыгать от нетерпения. Как и в прошлый раз, он остановился возле щита и сказал только одно слово, от которого сердце Медведицы сначала замерло, а потом забило с бешеной скоростью:

– Заходи.

Медведица бойко бежала за ящером. Она попевала за ним без особого труда, при этом еще оглядывалась по сторонам. Возбуждение первых мгновений за щитом спало, и теперь она старалась запомнить дорогу, по которой они шли. На всякий случай. Возможно вскоре ей придется убежать этим путем. Хорошо, если ей позволят двигаться свободно по территории внутри щита, тогда она сможет разведать и другие маршруты.

Удивительная все-таки структура этот щит. Какой-то же умелец его создал! Медведица вспомнила, как почувствовала щит на себе. Плотная, но невидимая стена. Щит прогнулся слегка от ее прикосновения, а потом она словно просеялась сквозь него. Проскочила и встряхнулась.

Хорошо придумали охотники. Спрятали свой дом. Хорошая защита. Вот если бы у ее семьи в свое время был такой щит, то, может, все сложилось бы совершенно иначе. Но щита не было. И все сложилось, как сложилось.

С чего вдруг она вообще об этом подумала? Столько лет не вспоминала. Запрятала глубоко в памяти и не доставала. Чтоб выжить. Арена не выносит слабых и беспощадна к слезам. А сейчас вспомнила. Чертовы ягоды вынули на поверхность и теперь эти мысли все никак не удавалось запихнуть обратно под толщу сознания. Они больше там не помещались.

Но сейчас не время для скорби. Сейчас время думать и действовать. Надо выяснить, кто хранитель щита как можно быстрее. Расквитаться с этим, получить свою свободу. Немного жаль только, что когда она убьет хранителя, разразится война, и в этих горах места для нее, Медведицы, не останется больше. Но ничего! Мир большой, и она найдет себе место в нем.

Лес постепенно поредел и вдруг отступил. Горное плато закончилось, задирая свой выщербленный край над пропастью. Позади лес и горы. Впереди – провал. А за ним снова зубчатые верхушки гор, поросших лесом.

Охотник остановился на краю и замер. Медведица поравнялась с ним и заглянула ему в лицо. Он улыбался. Прикрыл глаза и подставил лицо ветру. Встречный поток трепал длинные волосы, собранные в пучок. Медведица шагнула ближе к краю и бросила взгляд вниз. В широком ущелье шумела голубая река. Она разделялась кое-где на протоки и рукава и сходилась снова в единое русло. Горы ярусами спускались к реке, выставляя на берега свои массивные подножия. Облака цеплялись за поросшие соснами верхушки гор. Крупные птицы ловили поток ветра и парили над долиной реки далеко внизу. Гораздо ниже того места, где стояла Медведица. Она выше птиц!

Все мысли смело. Мгновенно. Выдуло. Ветер вычистил душу. Поток воздуха казался плотным и сильным. Он дергал ворот ее рубища, играл кончиками пояса, тянул за штанины. Медведица на мгновение прикрыла глаза. Так захотелось это сделать. Казалось, ступи, и взлетит. Подхватит ветер. И будет она, словно те орлы, кружить над долиной, перебирая крыльями воздушные потоки.

– Полезай мне за спину.

Она не сразу поняла, что он обращается к ней. Вздрогнула и открыла глаза. Охотник, прервавший ее фантазию, протягивал ей руку, свесившись со спины ящера.

– Что? Зачем? – не поняла Медведица.

– Мы начинаем спуск с перевала.

– Ну, так пошли, – она шагнула к краю и заглянула вниз. Пошарила взглядом по склонам под собой в поисках тропы. Тропы не было видно. Медведица бросила растерянный взгляд на охотника.

– Шею сломать себе хочешь? Ты тропы не знаешь, а я могу не успеть схватить тебя за шиворот, когда тебе вздумается упасть, – он улыбнулся и снова протянул ей руку. – Не упрямься. Полежай!

Она ухватилась за его запястье, и он одним рывком втащил ее на спину зверя.

– Держись за меня, – приказал охотник. Медведица устроилась на ящере позади охотника. Непривычно. Высоко. Ящер был гораздо выше лошадей, с которыми ей уже приходилось иметь дело. Интересно, как этот неповоротливый монстр будет спускаться с горы? Глядя на него, она бы ни за что не подумала, что он способен на какие-то ловкие маневры.

Охотник развернул ящера и двинулся вдоль обрыва. Мерно покачивалось под Медведицей массивное пресмыкающееся. Перед лицом маячила широкая спина охотника. Взгляд уткнулся ему в кожаную жилетку в районе лопаток. Непривычно было сидеть вот так в седле за чьей-то спиной. Охотник приказал ей держаться. А за что держаться-то? За плечи? За пояс обхватить? Медведица не знала, куда пристроить руки. На арене во время поединков у нее таких затруднений не возникало. Руки сами собой ложились в нужные места на теле противника, чтоб схватить, сломать, убить. А как это делается, когда не надо причинять боль? В конце концов, она решила проблему, уцепившись за его жилетку.

Ящер ступил на тропу, и спуск начался. Охотник вел зверя уверенно. Почти нигде не останавливался, ловко выискивая тропу.

Край обрыва поднялся над их головами очень быстро. Слева теперь был виден только ступенчатый горный склон. Зато справа открывался совершенно потрясающий вид. Долина реки была видна как на ладони. Сердце замирало, перехватывало дух. Прямо под ногами ящера устремлялся вниз почти отвесный горный склон. Медведица забыла о своих недавних переживаниях по поводу того, куда девать руки. Она крутила головой, озиравась. Она хваталась за спину охотника, за его руки. Старалась выглянуть из-за его плеча, чтоб увидеть побольше. Попыталась даже привстать на спине ящера, чтоб заглянуть вперед, и тут же была немедленно осажена обратно. В груди что-то трепетало. Металось между восторгом и каким-то благоговением. Она скользила взглядом по склонам гор, посчитала водопады, белеющие в расщелинах. Шесть! И это только те, которые видны с этого места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.